

003063772

На правах рукописи

ШАГДАРОВА Дарима Лубсандоржиевна

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(на материале переводов и двуязычных словарей)**

Специальность 10 02 22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

07 КИОН 2007

Улан-Удэ
2007

Работа выполнена на кафедре гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Бурятского государственного университета

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор

[Чагдуров Сергей Шагжневич]

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Цыденжапов Шираб-Нимбу Ринчинович**

доктор филологических наук, профессор **Митрошкина Анастасия**

Григорьевна

доктор филологических наук **Дамбуева Полина Петровна**

Ведущая организация: Калмыцкий государственный университет

Защита состоится 22 июня 2007 г в 13 00 ч на заседании диссертационного совета Д 003 027 02 при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (670047, г Улан-Удэ, ул Сахьяновой, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН (г Улан-Удэ, ул Сахьяновой, 6)

Автореферат разослан 18 мая 2007 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

 — Цыбикова Б.-Х.Б.

Актуальность темы исследования. Языковые связи бурятского и русского народов имеют многовековую традицию. Однако сопоставительное изучение бурятского языка с русским началось относительно недавно, при этом большинство работ посвящено основным особенностям грамматического строя двух языков. Между тем сопоставительно-типологическое исследование лексики и фразеологии этих языков весьма важно не только в общетеоретическом плане, но и для практических целей – для составления двуязычных словарей, для переводческой практики и оптимизации изучения русского языка бурятами и бурятского – русскоязычными. В условиях нашей многонациональной республики это представляется весьма актуальным, поскольку в последнее время наблюдается активизация интереса к национальным языкам и культурам. Принятый в 1992 г. «Закон о языках народов Республики Бурятия», в соответствии с которым бурятский язык получил статус государственного языка наряду с русским в пределах Республики Бурятия, предписывает не только широкое практическое изучение бурятского языка, но и расширение сопоставительных исследований строя бурятского и русского языков.

В настоящее время идея системности языковых явлений все больше проникает в лексику. Исследования лингвистов привели к выводу, что единицы лексики – слова и их сочетания, как фонемы и единицы других уровней, образуют системные ряды и что лексика представляет собой не простое множество слов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. В монголоведении изучение системности лексики находится на начальной стадии. Поэтому системно проведенное сопоставление бурятского материала с материалом русского языка, по нашему мнению, может быть особенно плодотворным и полезным, потому что позволит глубже выявить национальные особенности лексики и фразеологии бурятского языка и вместе с тем черты изоморфизма, объединяющие бурятский язык с русским.

Объектом исследования является лексика и фразеология бурятского языка в системном аспекте.

Предметом исследования выступает сопоставление системных объединений лексем и фразеологических оборотов бурятского языка с соответствующими явлениями русского языка.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление особенностей системной организации лексики и фразеологии бурятского языка в сопоставлении с русским языком. Исходя из заявленной цели, в работе ставится ряд взаимообусловленных задач:

- описать системность лексики бурятского языка в сопоставлении с русским языком,

- дать характеристику метода компонентного (семного) анализа лексики как одного из основных средств описания системной организации лексического состава двух языков (на примере терминов родства),

- выявить особенности проявления системности лексики в пределах одного слова,
- обосновать сопоставительное описание деривационных аффиксов как задачу ближайших типологических исследований (на примере новых названий бурятского языка, образующихся под влиянием русских слов с суффиксами, обозначающими деятеля),
- выявить особенности композитных образований в бурятском и русском языках,
- дать сопоставительное описание тематической парадигмы и лексико-семантической группы слов, а также гиперо-гипонимической, синонимической, антонимической парадигм в бурятском и русском языках
- дать сопоставительную характеристику лексико-семантических групп бурятского и русского языков (ЛСГ, обозначающие стороны света, ЛСГ, относящиеся к мясной пище бурят и др),
- дать сопоставительную характеристику переносных значений слов и фразеологизмов в бурятском и русском языках,
- обосновать актуальность сопоставительного изучения лексико-семантических отношений в бурятском и русском языках в связи с вопросом перевода,
- охарактеризовать практику передачи лексем, фразеологических единиц и лексико-семантических групп бурятского и русского языков при переводе художественных произведений и составлении двуязычных словарей, выявить недостатки и наметить пути их преодоления

Методы исследования Диссертационная работа построена на широком использовании сопоставительно-типологических методов, выявляющих общие и специфические признаки в лексико-фразеологических системах бурятского и русского языков Применяется, в частности, метод поля, при выделении которого большую помощь оказывают приемы оппозитивного, компонентного и контекстологического анализа

Степень изученности темы В современном языкознании утвердилось точка зрения, согласно которой язык представляет собой систему знаков, представленных словами Любой знак, в том числе и слово, характеризуется двумя признаками 1) обозначает нечто, находящееся вне его, и 2) не связан с обозначаемым естественной или причинной связью Язык – типичная знаковая система Особенно прочно категория системности утвердилась в лингвистике после появления работ Фердинанда де Соссюра (1857 – 1913), который считается основателем системного подхода к языку Как было показано в его работах, между языковыми знаками устанавливаются определенные отношения, которые образуют систему, каждый элемент которой не может существовать без других

Долгое время оставался спорным вопрос о применимости системного подхода к лексике, хотя еще в древности мыслители заметили, что предметно-вещественное многообразие окружающего мира, характери-

зующееся определенной системностью, отражается в словарном составе языка и лексику следует описывать по определенным системным группам, показывающим отраженную в значениях слов действительность. Однако несомненная обусловленность лексических значений явлениями окружающего мира приводила некоторых исследователей к мысли, что в самой лексике «нет никакой системности», кроме той, которая обусловлена отношениями между явлениями самой действительности.

Между тем в процессе изучения словарного состава русского и других языков негативное отношение к системности лексики было постепенно преодолено. Было установлено, что лексика языка представляет собой сложную систему, образуемую различными по происхождению, сфере употребления, стилистической дифференциации группами слов. Еще М В Ломоносов указал на стилистическое расслоение лексики, на разные сферы применения различных групп слов. В дальнейшем параллельно с составлением толковых и исторических словарей в работах И Ф Калайдовича, И И Срезневского, В И Даля, Я К Грота, А А Потемни, С К Булича, М М Покровского решались отдельные лексикологические проблемы, исследовались некоторые группы слов. В работах основоположника семасиологии в России М М Покровского было установлено, что семантика слова выявляется не в отдельных словах, а в группах и системах, в «полях слов», связанных разнообразными отношениями. Он писал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью», но соединяются в нашем сознании в различные группы на основе ассоциаций, отражающих связи предметов в окружающем нас мире. Особенно активизировалось исследование лексики русского языка с 20-30-х гг. 20 в. в трудах Л В Щербы, Б А Ларина, Л А Булаховского, В В Виноградова, Ф П Филлина, А И Смирницкого, А В Калинина, Н М Шанского, С И Ожегова, О С Ахмановой, А П Евгеньевой, Н Ю Шведовой, А А Уфимцевой, Ю Д Апресяна, В Г Гака и др. В своем фундаментальном труде «Развитие словарного состава русского литературного языка 30 – 90-е годы XIX века» (1965 г.) Ю С Сорокин писал: «Лексический состав – это также определенная система, правда, в отличие от других языковых систем, мало проницаемых и более замкнутых (например системы фонематической или грамматической), несравненно более обширная, сложная и подвижная» (Сорокин 1965, с. 13). Особенно большое значение в изучении лексики как системы имели работы Д Н Шмелева «Проблемы семантического анализа лексики» (1973 г.), «Современный русский язык. Лексика» (1977 г.), Г С Щура «Теория поля в лингвистике» (1974 г.).

Исследователи пришли к выводу, что системность лексики обусловлена связями, существующими между предметами и явлениями окружающей нас действительности. Вместе с тем слова – это единицы языка и отражение этих связей в лексике регулируются собственно языковыми факторами – они объединяются в лексико-семантические группы, и членение

тех или иных отрезков действительности в каждом языке имеет своеобразие. На уровне лексики системность ее элементов обнаруживается в таких явлениях, как полисемия, синонимия, антонимия, гиперо-гипонимические группы, тематические объединения слов.

Системные объединения лексики на основе определенного сходства значений отдельных слов составляют лексико-семантические поля (ЛСП) или лексико-семантические группы (ЛСГ). В русистике до недавнего времени основное внимание уделялось изучению таких объединений слов как омонимы, синонимы и антонимы. Разделы, посвященные им, наличествуют во всех курсах лексикологии. В постсоветское время в русистике значительно активизировалось изучение и других системных группировок слов.

Проблемы системной организации слов приобрели большое значение в связи с интересом к исследованиям типологического характера и к вопросам сопоставительного изучения не только грамматических форм и конструкций, но и лексики и фразеологии. К ним относятся, например, работы Р. А. Будагова, В. А. Ярцевой, Б. А. Серебренникова, С. Д. Канцельсона, В. Г. Гака, М. М. Маковского и др.

В монголоведении изучение системности лексики, как отмечалось, находится на начальной стадии. До недавнего времени в нем проводилась лишь тематическая классификация слов. В работе Ц. Б. Цыдендамбаева «Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка» выделены следующие тематические группы: названия частей человеческого тела, термины родства, названия домашних животных, атмосферных явлений, отрезков времени, названия пищи и продуктов питания, одежды и обуви, названия домашней утвари и связанных с ней предметов, наименований орудий и предметов труда и промысла, названия рельефов и водоемов, названия диких животных и зверей, названия деревьев и кустарников, названия червей и насекомых, названия рыб, названия птиц, среди имен прилагательных выделяются названия цветов и их оттенков, названия мастей домашних животных, наименования свойств и качеств вещей, названия физических качеств животных и человека, среди глаголов выделены наименования отвлеченных действий и состояний, наименования физических движений, производимых вообще живыми существами, а также действий, относящихся к обиходно-бытовой деятельности человека (кратко физические движения и бытовые действия), наименования действий, относящихся к производственно-промысловой и торгово-экономической деятельности человека (Цыдендамбаев, 1957).

В дальнейшем в кандидатских диссертациях М. П. Хомонова, Д. А. Абашеева, Э. Р. Раднаева, Ц. Б. Будаева, Б. В. Матхеева, А. Г. Митрошкиной, Д. Г. Дамдинова, посвященных бурятским говорам, а также в диссертациях Л. В. Шулуновой, А. А. Лазаревой и других по ономастике, в работах В. Д. Патаевой, Д. Д. Дондоковой, Л. Б. Будажаповой по эт-

нокультурной и буддийской тематике, также и в других работах эта классификация дополнялась новыми разрядами названий. В работах У-Ж Ш Дондукова большое внимание уделялось тематической классификации существительных.

Фразеология бурятского и других монгольских языков стала предметом специального исследования в основном с начала второй половины XX века в трудах Т.А. Бертагаева, Г.Ц. Пюрбеева, Ц.Б. Будаева и Ш.Н.Р. Цыденжапова. В них дана характеристика бурятских фразеологизмов со стороны семантической, грамматической структуры и их компонентного состава, осуществлена их классификация.

Что касается изучения системных отношений слов в сферах полисемии, синонимии, антонимии и других групп слов в бурятском языке, то они в основном носят фрагментарный характер в имеющихся монографических изданиях научного и учебного характера. Так, синонимы бурятского языка рассматривались в работах Т.А. Бертагаева, У-Ж Ш Дондукова, А.А. Дарбеевой, Л.Д. Шагдарова, В.М. Егудуровой и других. Предметом специального исследования они стали в работе Н.Б. Дугарова «Лексические синонимы в современном бурятском языке» (1978 г.).

Семантическому развитию лексики бурятского языка в сопоставительном аспекте посвящена диссертация В.В. Базаровой «Типология процессов развития бурятского и русского языков» (1995). В работе было установлено, что семантические процессы, связанные с разными видами переносов, обусловлены внутренними языковыми связями слов в лексической системе, тогда как такие же преобразования, касающиеся семантического объема слов, определяются внешними причинами, историческими процессами и явлениями в жизни общества. Было констатировано, что в бурятском языке большую роль играет развитие семантики собственно бурятских слов под влиянием семантики соответствующих слов русского языка.

Проблемы полисемии и синонимии рассматриваются в диссертации Г.З. Сажиновой «Асимметрия лексического знака в бурятском языке (в сопоставлении с английским)» (1998). В диссертации И.А. Цыбиковой «Типология семантического развития слов в монгольском и бурятском литературных языках» (2003) изучены в сравнительном плане системные явления синонимии и антонимии.

Материалы исследования. Основным материалом для данной работы послужили художественные переводы с русского на бурятский и с бурятского на русский язык, а также бурятско-русский и русско-бурятский словари. В работе использованы также имеющиеся в научном обороте сведения и выводы по различным аспектам системной организации лексики в сопоставляемых языках.

Научная новизна. В диссертационной работе впервые в сопоставительном плане изучены лексико-фразеологические системы бурятского и

русского языков на материале художественных переводов и двуязычных словарей Фактический материал, приведенный в работе, показывает, что системный характер лексики бурятского языка, как и в русском языке, проявляется в существовании словарного состава в виде объединений слов, а не разрозненно Сопоставление объединений слов и фразеологизмов в бурятском и русском языках позволяет выделить в них в основном одни и те же группировки слов с одинаковыми интеграционными признаками Глобализация всей жизни народов земного шара, процессы познания и мышления обусловили распространение общих черт, присущих многим языкам мира, и на явления бурятского языка, в области его лексики, семантики и фразеологии Через русский язык слова международного словарного фонда в виде заимствований и калек внедрились в бурятский язык и ликвидировали многие лакуны, т.е. восполнили отсутствовавшие в нем в прошлом слова Это, в частности, относится к разветвленной современной терминологии по всем отраслям науки и техники, промышленного и сельскохозяйственного производства Сближению лексики и фразеологии бурятского и русского языков способствовало интенсивное развитие новых форм материальной и духовной культуры среди народов нашей страны Становятся ооднотипными жилища людей, их обустройство, мебель, радио, теле- и видеотехника, транспортные средства, пища, одежда людей Все это обусловило появление общих закономерностей в системной организации лексики сопоставляемых языков В то же время в них обнаруживаются ряды, в которых их члены не имеют адекватных соответствий в другом языке В работе даются рекомендации по преодолению таких несоответствий в переводческой и лексикографической практике

Теоретическая и практическая значимость работы В теоретическом плане работа представляет типологический интерес, позволяя выявить общие явления в двух языках В сфере лексики и фразеологии сопоставительное изучение может быть весьма плодотворным, потому что именно в этих сферах чаще всего возникают универсальные явления, свойственные многим языкам В современных условиях они дают возможность увидеть основные тенденции в развитии национальных языков нашей страны

В то же время такое исследование преследует цель более глубокого проникновения в особенности родного языка

Такие работы, имеющие несомненное теоретическое значение, дают богатый материал для переводоведения, для лексикографической и фразеографической работы, для практики преподавания бурятского и русского языков Результаты исследования могут быть использованы при разработке и написании теоретических разделов по лексикологии бурятского языка Выработанные в нем положения и идеи дадут возможность продолжить начатое в нем исследование системной организации лексики бурятского языка

На защиту выносятся следующие **основные положения**

1 Словарный состав бурятского языка представляет не простое множество слов, а состоит из большого количества группировок слов, связанных между собой

2 Эти объединения слов группируются вокруг центральной единицы (архилексемы, гиперлексемы), которая своим значением пронизывает все слова, входящие в ряд. Наличие их делает возможным сопоставление архилексем с другими членами ряда и выделение у них дифференциальных (различительных) признаков

3 На современном этапе изученности должны быть признаны следующие семантические группировки слов синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, тематические парадигмы и лексико-семантические группы слов (ЛСГ). В качестве родовых названий употребляются «ЛСГ» и «семантический ряд», а также «семантическое поле» или лексико-семантическое поле (СП, ЛСП)

4 Сопоставление объединений слов в бурятском и русском языках позволяет выделить в них в основном одни и те же группировки слов с одинаковыми интегральными признаками. В них совпадает и большинство членов семантических рядов. Однако обнаруживаются ряды, в которых архилексемы не имеют адекватных соответствий в одном из сопоставляемых языков. Довольно значительные различия, наряду со схождениями, наблюдаются в двух языках между членами семантического ряда, обозначающих дифференциальные признаки. Выявление подобных различий между бурятским и русским языками крайне важно для бурятской лексикографии и переводческой практики. Разложение значения слова на составные элементы при помощи компонентного анализа позволяет наглядно увидеть имеющиеся между языками различия.

5 Полисемия, возникающая в результате развития первоначального значения, также представляет собой своеобразную группировку значений с общим инвариантным признаком. В бурятском и русском языках, как правило, совпадают главные, прямые, конкретные значения слов, а переносные, вторичные значения, возникающие на основе разных ассоциаций, в большинстве случаев разнятся. Это создает большие трудности для переводчиков. В данном случае необходимо использовать разные способы для приведения в соответствие семного состава слов.

6 Раньше в бурятском языке отсутствовали многие «интеркультурные» слова, абстрактные слова и слова, имеющие глубокое социальное или идеологическое значение и характеризующие высокоцивилизованное общество. В настоящее время многие из таких слов представлены в бурятском языке. При этом оказалось, что значительное количество слов поддаются только описательному переводу, которому все большее предпочтение отдается заимствованным словам. Можно сказать, что в настоящее время лексико-фразеологические системы двух обозреваемых языков раз-

виваются во многом по единым или аналогичным законам Русский и бурятский языки одинаково реагируют на все изменения, происходящие в нашем обществе в последние два десятилетия

Апробация работы. Многие вопросы, поднятые в диссертации, были апробированы на научных конференциях Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и Бурятского государственного университета

Основные положения диссертации изложены в двух опубликованных монографиях общим объемом 20 п л (24,97 усл п л) и в 38 статьях общим объемом 10 п л

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, списка литературы и перечня переведенных произведений, изданных отдельными книгами

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность исследования, формулируются цели и задачи работы, рассматривается степень изученности темы, характеризуются методы и материалы, теоретическая и практическая значимость исследования

Глава I «Системный характер лексико-семантического уровня языка» состоит из 13 параграфов

В § 1 «Задачи сопоставительного изучения лексико-семантических отношений в бурятском и русском языках в связи с вопросами перевода» указывается, что в процессе перевода, понимается, часто сопоставляются отдельные слова. Но большее значение имеет сопоставление групп слов, ибо слова в языке живут не изолированно друг от друга, а семьями, группами. Оно показывает, как членится объективная действительность лексическими средствами разных языков, какие в этом отношении наблюдаются схождения и различия

По представлениям исследователей, весь словарный состав языка распадается на группы слов, объединенных общностью содержания и называемых «семантическими полями», которые употребляются в двух значениях в первом значении под словом «поле» подразумеваются более крупные группировки слов (например, СП времени), которые часто совпадают с тематическими группами слов, а во втором случае выделенные группы менее обширны (напр, *год, месяц, неделя, день, ночь, давно, недавно, скоро* и т д) и могут называться также лексико-семантическими группами. В связи с этим следует отметить, что понятие поля довольно широко использовано в исследованиях последних лет по грамматике бурятского языка (см, напр Дамбуева, 1999, 2000, Дашинимаева, 2003)

Общий (интегральный) семантический признак, объединяющий все единицы семантического поля, обычно выражается лексемой с обобщенным значением, которая иногда называется архилексемой (или гиперлек-

семой, а также доминантным словом) Архилексемами, как правило, являются общеупотребительные, наиболее обычные, широко распространенные названия предметов, качеств, действий, которые являются стилистически нейтральными. Обычно в семантических полях бурятского и русского языков совпадают архисемы и большинство других слов ЛСП. Правда, бывают обратные случаи, когда совпадают члены ЛСП, а архисемы в другом языке не имеют адекватных соответствий. Например, в ЛСП русского языка *помещение, комната, чулан, кабинет, лаборатория, виварий* в бурятском языке не находится прямого однословного соответствия архилексеме *помещение*, которое как слово неинтернациональное, не заимствуется, тогда как члены ряда *кабинет, лаборатория, виварий* употребляются в заимствованном виде, фонетически оформляясь по законам бурятского языка.

Как известно, члены поля характеризуются наличием, наряду с интегральным, одного и более дифференциальных признаков, по которым единицы поля отличаются друг от друга. Например, глаголы движения в бурятском и русском языках объединяет общий семантический признак «перемещение в пространстве». В этом поле архилексемами являются *ябаха* – идти. Кроме того, сюда же включаются эквивалентные в бурятском и русском языках слова *гуйхэ* – бежать, *тамарха* – плавать, *ниидэхэ* – летать, *мулхихэ* – ползать. Эти слова отличаются друг от друга такими дифференциальными признаками как «скорость», «способ», «среда передвижения». В то же время бурятскому слову *ябаха* «идти» соответствуют два русских слова «идти» и «ехать». И для того, чтобы быть точным, при переводе, например слова «приехать», необходимо указать вид транспорта.

Интегральный признак «отношение родства» объединяет термины родства *эсэгэ* – отец, *эхэ* – мать, *хубуун* – сын, *басаган* – дочь. Все эти слова совпадают по значению и употреблению. Но дальше начинаются различия. Например, в русском языке слово «брат» имеет значение «каждый из сыновей по отношению к другим детям этих же родителей». В бурятском же языке этому значению соответствуют два слова *аха* «старший брат» и *дуу* «младший брат». Поэтому в русско-бурятском словаре к слову «брат» необходимо дать оба слова – *аха*, *дуу* и другие различающиеся его соответствия: старший брат – *аха, ахай*, младший брат – *дуу, дуу хубуун* и т.д.

Некоторые слова не имеют однословного соответствия, поэтому их приходится переводить описательно, словосочетаниями: невеста – *хадамтай басаган*, *хадамда ошохо болоһон эхэнэр*, венчаться (значение – «вступать в брак по церковному обряду») – *церковийн гуримаар гэрлэхэ, венчаться болохо*.

Для полноценного перевода необходимо знать все эти тонкости и такую возможность более полно предоставляет систематическое сопоставление семантических полей двух языков, что еще предстоит осуществить в бурятском языкознании.

Семантические поля связаны друг с другом по принципу иерархического подчинения. Различаются более широкие и более узкие поля. Например, если в СП (или тематическую группу) с общей гиперсемой «мебель» можно включить такие слова, как *ханза* – сундук, *хайрсаг* – ящик, *зунгарбаа* – божница, *эргэнэг* – посудный шкаф, *үхэг* – низенький шкаф (для хранения посуды – на четырех ножках с одной, иногда двумя, дверцей), диван, кресло, скамейка, стул, табурет, то в менее обширные СП, которые можно назвать лексико-семантическими группами с интегральными значениями «мебель для сидения» и «мебель для лежания», включаются сравнительно небольшие группы слов, связанных между собой несколькими иными семантическими отношениями, чем члены тематических парадигм.

ЛСП и ЛСГ в сопоставляемых языках могут различаться по количеству членов ряда. Так, для понятия «беременная» в отношении животных в бурятском имеется лишь слово *боод* или употребляется глагол *түрэхэ*, тогда как в русском языке имеем ряд синонимов, дифференцированных в зависимости от вида животного: стельная (о корове), жеребая (о кобыле), супоросая (о свинье), суягная (об овце), котная (о кошке) и др. Или же соотношение может быть обратным. Например, одному русскому прилагательному «широкий» в бурятском языке соответствуют слова *тлагаар*, *тэрбээгэр*, *нарнагар*, *галбагар*, *далбагар*, *халбагар*, охватывающие ограниченное множество предметов.

Члены рассмотренных выше ЛСП и ЛСГ связаны между собой парадигматическими отношениями, т.е. представляют собой ряды противопоставленных языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда. В лексико-семантическую парадигму объединяются слова, противопоставленные друг другу по некоторому семантическому признаку, например, глаголы движения – по признакам «скорость», «способ», «среда передвижения», ЛСГ с прилагательными, противопоставленными по признаку «величина» *ехэ* – большой, *бага* – маленький, ЛСГ с глаголами, с архисемой «способ отделения» *тана отолхо* – отрезать, *тана сабишаха* – отрубить, *таналха* – отделить, *тана хюроодэхэ* – отпилить. Парадигматическое противопоставление позволяет выделить общие (интегральные) и дифференциальные признаки для каждого ряда. В лексические парадигмы объединяются такие системные группировки слов, как синонимы, антонимы, тематические, гиперонимические парадигмы и т.д.

Также одним из видов системных связей лексических единиц являются закономерности их сочетания друг с другом, т.е. синтагматические отношения. Для переводческой практики очень актуально исследование семантической валентности слов обоих языков, ибо они накладывают ограничения на сочетаемость слов. Так, если в русском языке возможны сочетания «красить пол» и «красить волосы», то в бурятском языке требуются

ся разные глаголы *ноот иэрдэхэ* и *үлэс будаха*. Таким образом, подыскивая требуемое текстом слово, переводчик движется сразу по вертикальному (парадигматическому) и горизонтальному (синтагматическому) рядам. В этом плане описание возможно большего количества лексико-семантических парадигм в сопоставительном плане очень важно для переводческой практики.

В § 2 «Системные отношения в лексике. Язык как знаковая система и лексика» указывается, что системный подход к явлениям языка, из языковых уровней впервые был применен в фонологии, которая, можно сказать, сыграла поистине революционную роль в развитии современного языкознания (Шмелев, 1973, с. 8).

Именно в фонологии впервые четко было выражено понимание языка как системы, основанной на оппозициях, показан пример строгого лингвистического анализа. Было показано, что фонемы обретают определенное значение на основе их противопоставленности другим фонемам, а также сопоставления их друг с другом, что делает необходимым их рассмотрение в определенном парадигматическом ряду. Было установлено, что фонемы каждого языка образуют сложную систему противопоставлений. Признаки фонем, обеспечивающие различение фонем, тем самым – различение слов и морфем, получили название дифференциальных признаков. Признаки же, не участвующие в противопоставлении данной фонемы другим фонемам, стали называться интегральными.

В § 3 «Лексическое значение слова» рассматривается взаимоотношение семантики слова и понятия, полисемия слов.

Основное назначение слова – быть средством номинации реалий окружающего мира и формирования соответствующих понятий, под которыми понимается отражение в сознании людей общих и существенных признаков предметов и явлений. И слова называют не только конкретные предметы и явления (денотаты), но и некоторые их существенные признаки, отраженные в понятиях. В толковом словаре русского языка Ожегова и Шведовой слово *остров* толкуется так: «Остров – участок суши, со всех сторон окруженный водой». Это является понятием и в то же время лексическим значением слова. Обозначение данного предмета данным звуковым комплексом, лексическое значение слова не изменяется в течение длительного времени, а соотношенное с этим словом понятие изменяется в зависимости от уровня познания данного предмета. Чем больше развита наука в той или иной стране, тем больше существенных признаков отражается в дефинициях толковых словарей. Однако наиболее точно определенное научное понятие содержится в термине, который входит в терминологическую систему.

Значение слова содержит лишь минимум дифференциальных признаков, которые вполне достаточны для узнавания предмета и отличения его от всех других предметов. Он одинаков у всех. Слово обладает свойст-

вом возбуждать этот минимум Сначала язык характеризуется «наивным реализмом» Древний человек несомненно знал, например, некоторые отличительные признаки солнца и луны, позволяющие ему отличить их от других предметов и явлений, при этом не знал сущности этих предметов В то время в бурятском и русском языках, например, слово *наран* – *солнце* обозначало круглый, ярко светящийся предмет на небе, который утром всходит на востоке (бур *наран гараха*), а вечером заходит на западе (бур *наран орохо*) Людям казалось, что Солнце вращается вокруг Земли Это нашло отражение в народной песне в следующих словах *Түхэрээн шарахан нарамнай түбиеэш тойрохоһь мүнхэхэн даа* – «Вечно наше круглое желтое солнце будет вертеться вокруг земли» В действительности же, как известно, дело обстоит наоборот Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца

В словах, издавна бытующих, первообразных, наиболее важных, преимущественно относящихся к основному словарному фонду, отражаются ядерные значения, т е минимумы дифференциальных признаков

Именно эти слова в бурятском и русском языках имеют однословные соответствия *уһан* – вода, *газар* – земля, *наран* – солнце, *һара* – луна, *ой* – лес, *һалхин* – ветер, *ябаха* – ходить, *хэбтэхэ* – лежать, *һууха* – сидеть, *унтаха* – спать, *сагаан* – белый, *үндэр* – высокий, *үргэн* – широкий, *хүюу* – веселый и др В таких словах в разных языках отражаются понятия, выделяемые дифференциальные признаки которых совпадают Например, и в бурятском, и в русском языках слово *һүни* – *ночь* определяется как 'часть суток от захода до восхода солнца'

Лежащее в основе лексического значения понятие во многих случаях имеет более или менее четкое ядро и нечеткую периферию Благодаря этой периферии слово может «растягиваться», что дает возможность использовать слово для обозначения предметов и явлений, для которых в языке нет специального названия В лексическом значении отражается диалектическое соотношение общего и особенного, устойчивого и подвижного Подвижность лексического значения позволяет использовать слово для художественного творчества (энциклопедия «Русский язык», 2003, с 213) Так, в словах появляются авторские, индивидуальные, т е встречающиеся только в данном художественном произведении переносные значения Но при частом употреблении такие значения могут стать языковыми, т е закрепившимися в языке И здесь благодаря тесному контактированию бурятского языка с русским в первом появляется все больше переносных значений, схожих с русскими

Наличие у слова нескольких значений называется многозначностью или полисемией В ней различаются главное (первичное, основное, прямое) и периферийные (вторичные, производные, переносные) значения Главное значение обычно приводится первым в толковых и двуязычных словарях и наименее зависимо от контекста Периферийное (или частное)

значение всегда определяется контекстом Например, слово *хана* – стена осмысливается в значении ‘высокая каменная или кирпичная ограда’, например в таком контексте *Кремлин хана* – Кремлевская стена

Между значениями многозначного слова имеется общая часть – одни и те же семантические признаки (семы), что дает основание считать их значениями одного и того же слова в отличие от слов-омонимов Таким образом, многозначное слово также представляет собой минисистемное образование

Следует сказать, что в многозначном слове бурятского и русского языков в большинстве совпадают лишь главные (первичные) значения Остальные же значения часто переводятся другими словами Например, убежать – 1 *гүйжэ ошохо* (или *арилха*), *ябашаха*, 2 (тайком уйти, скрыться, спастись бегством) *бодхуултаха*, *тэрвэдэхэ*, *зугадаха*, *арилха*, убежать из плена – *пленьээ тэрвэдэхэ*, 3 разг *халиха*, *дэбэрхэ*, молоко убежало – *һун халиба*

Одним из недостатков русско-бурятских словарей является то, что некоторые значения многозначного слова, особенно представляющие трудность для перевода, часто опускаются Так, в приведенном слове «убежать» опущено значение ‘простираясь, уходя вдаль, исчезнуть’ Ручей убежал в овраг, Тропинка убежала в низину Для этого значения в бурятском языке нет эквивалента Здесь, видимо, следует перевести данное слово составным глаголом с суффиксом интенсивности *-ша* Ручей убежал в овраг – *Горхон жалага уруу урдан орошоо*, *хонхор руу орон ябашоо* (или *хонхор руу орон харагдахаяа болишоо*)

Случаев, когда слово, соответствующее первичному значению русской словарной статьи, во всех других значениях переводилось бы одним и тем же словом, например, *хүндэ* – тяжелый, иногда с добавлениями, сравнительно немного Правда, следует сказать, что с течением времени, благодаря тесному контактированию с русским языком, в первом появляется все больше вторичных, переносных значений, схожих с русским. Так, в слове *һэрихэ*, имевшем лишь одно значение ‘пробуждаться ото сна’, развилось переносное значение ‘оживиться, прийти в движение’ *Город нойрһоо һэрибэ* – Город проснулся ото сна, «Нойрһоо һэриһэн тала» - «Степь проснулась» (название романа Ж Тумунова) В большинстве же случаев все же они переводятся другими словами, и это создает большие трудности для нахождения соответствующего адекватата И здесь очень эффективным средством преодоления их представляет собой компонентный анализ значения слова, которому посвящен следующий, четвертый параграф

По вопросу о том, обозначают ли значения многозначного слова отдельные понятия, высказаны противоположные точки зрения Так, Л Р Зиндер и Т В Строева пишут «Значение слова, вместе с тем, не следует отождествлять и с понятием им выражаемым, поскольку слово, как пра-

вило, имеет не одно, а несколько значений, т е оно обозначает несколько понятий» (Зиндер, Строева, 1957, С 344) А Д Э Розенталь и М А Теленкова полагают, что «Значение слова и заключенное в нем понятие взаимосвязаны, но это не одно и то же Понятие в слове всегда одно, а значений у слова может быть несколько» (Розенталь, Теленкова, 1985, С 83) Нам представляется правомерной первая точка зрения Например, бурятское слово *мулжэхэ* имеет значения 1) глотать, обгладывать, 2) *перен* эксплуатировать Нам представляется, что во втором случае, несомненно, выражено социально значимое, отдельное понятие 'присваивать результаты чужого труда теми, кто владеет средствами производства' Производные от одного корня слова в своей семантике имеют общую часть, соответствующую одному понятию Но наряду с этим все же каждый член ряда обозначает отдельное понятие Таким образом, между лексическим значением слова и понятием наблюдаются весьма неоднозначные отношения Но несомненно, что сердцевиной значения слова является понятие как обобщенное представление о предметах и явлениях

В § 4 «О компонентном анализе значения слова» на примере терминов родства бурятского и русского языков раскрывается сущность компонентного анализа, который представляет собой метод лингвистического изучения смысла слова При применении этого метода значение слова разлагается на составные компоненты Эти компоненты или простейшие единицы называются семами Их называют еще семантическими множителями, дифференциальными семантическими признаками, семантическими параметрами, нозмами и т д

Семы – это как бы минимальные кусочки смысла, далее неразложимые на части Слова и разные значения одного слова отличаются друг от друга набором таких компонентов Например, в значении слов «мальчик» и «девочка» выделяются такие компоненты (семы) 'человек', 'мужской (женский) пол', 'невозрослость' Слова «мальчик» и «девочка» различаются одной семой - 'мужской и женский пол'

Общие и дифференциальные признаки, так же как и содержащие их слова, образуют определенные иерархические структуры Один и тот же семантический признак в разных семантических парадигмах может иметь разный иерархический статус

Далее в данном параграфе применение метода компонентного анализа иллюстрируется на примере СП термины родства При этом отмечено, что в отличие от бурятского языка в русском языке чрезвычайно развито называние одного и того же предмета множеством эмоционально-экспрессивных названий

Например, *мать* – эхэ - 'женщина по отношению к своим детям' В русском языке к этому слову имеется много синонимов и уменьшительно-ласкательных форм мама, мамаша (разговорное), мамочка, мамуля, мамуся (ласкательное), маманя, матка (просторечные), мамка (областное), ма-

менька (устарелое), родительница (устарелое и областное), матушка (устарелое и народно-поэтическое) В бурятском им противостоит по-существу одно слово *эжы*, наряду с которым в разговорном языке все чаще употребляется заимствованное *мама* В русско-бурятском словаре приведены еще *эжыдиш*, *ажсаа*, но это редкоупотребительные или устаревшие, диалектные слова К формам *мамочка*, *мамуля* более подходят уменьшительно-ласкательные образования от слова *эжы* – *эжыдэй*, *эжыдэйхэн*, *эжы-хэн* В «Капитанской дочке» свою мать Гринев называет *матушкой* «Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке» Перевод *Манай эжы шмэ хэрэгы наадан зугаада абадаггүй аад тэрэ, дары абада мэдүүлбэ* Как видим, стиливая сема архаичности здесь не передается

Следует констатировать, что по сравнению с бурятским в русском языке много слов с эмоционально-экспрессивной коннотацией Эмоциональность как яркая черта национального характера отражается и в других словах Например, к слову *медведь* имеются синонимы с фамильярно-разговорной коннотацией *мишка*, *косолапый*, *Михайло Иванович*, *Топтыгин*, а в бурятском языке такие синонимы отсутствуют

Зато бурятский язык стремится дать название каждому члену группы родственников, каждому возрасту животных и т д

В § 5 «Системные отношения в лексике и словообразование в бурятском и русском языках» раскрывается тезис о том, что в установлении системных отношений в обоих языках большую роль играет словообразование

При сопоставлении лексики бурятского и русского языков в первом раньше наблюдались большие лакуны, связанные с тем, что бурятский народ в послереволюционный период совершил скачок от докапиталистических отношений к социализму, минуя стадию капитализма «Прыжок» через целую стадию потребовал множества новых слов, которых не оказалось в бурятском языке Поэтому самым характерным для развития бурятского литературного языка в советскую эпоху является пополнение словарного состава данного языка огромным количеством новых терминов, слов и устойчивых сочетаний, обозначающих новые явления и понятия При этом, как писал Т А Бертагаев, эти слова и термины создавались по русскому образцу, копировались словопроизводство и словосочетания русского языка, бурятские слова под влиянием русского расширяли свои валентные возможности, приобретали дополнительные прямые и переносные значения Например, отглагольное имя *үгэдхэлгэ* 'расширение' составлено по образцу русского отглагольного существительного «расширение» По этой модели появились многочисленные отглагольные существительные с суффиксами *-лга* и *-лта* *хамгаалалга* 'защита', *дүүргэчтэ* 'выполнение', *ашаглалга* 'использование', *тэйэрэлгэ* 'взрыв', *хүгэсэлтэ* 'развитие' и т д (Бертагаев, 1948 г)

Кроме того, интернациональная лексика через русский язык широко внедрялась в бурятский литературный язык и ликвидировала многие лакуны, т.е. отсутствовавшие ранее многочисленные слова. Таким образом, в эпоху коренных социальных изменений, благодаря мощному социально-культурному развитию народа бурятский литературный язык в отношении лексики и семантики значительно приблизился к русскому и другим мировым языкам, вследствие чего заметно увеличилось число совпадающих в обоих языках лексико-семантических групп.

В заключение параграфа отмечается, что появившиеся в языке новообразования составляют системно организованные группы в словарном составе бурятского языка. Сопоставительное описание подобного рода деривационных суффиксов и приставок должно стать предметом ближайших типологических исследований.

В § 6 «Композитные образования в бурятском и русском языках» констатируется, что наряду с простыми производными основами, образующимися при помощи аффиксации, т.е. морфологическим путем, имеются еще основы глаголов, образованные синтаксическим путем, посредством сочетания именной, наречной или глагольной формы со служебными глаголами.

Служебные глаголы, как известно, это глаголы, которые в определенных сочетаниях утрачивают свое лексическое значение и переходят на обслуживание предыдущего слова сочетания.

Г. Д. Санжеев в «Грамматике бурятского языка» (1962) пишет, что наряду с синтетическими в бурятском языке имеет место аналитическое выражение видовых значений посредством сочетания формы соединительного деепричастия от основы знаменательного глагола с основами некоторых служебных, или вспомогательных, глаголов, например *ябэжа бай-* 'ходить', *гуйжэ бай-* 'бегать' и т.д. По мнению автора, эти образования являются формами глагола, а не первичными, новыми, самостоятельными глаголами. Видовые основы лишены словообразовательной способности, и от них не образуются какие-либо производные слова, в том числе и залоговые основы.

Однако во втором томе своей «Сравнительной грамматики монгольских языков. Глагол» Г. Д. Санжеев разбирает основу, которая образуется из двух глаголов, и, как он пишет, такой «составной глагол» (подчеркнуто нами – Д.Ш.) членим на знаменательную и служебную части, или компоненты (*кудалдун аба-* 'покупать', *нисчү ябу-* 'улетать', *идэджү өг* 'съесть' (по чьей-то просьбе), *очиджү ирэ-* 'сходить', *унгишиджү байи-* 'читать' (Санжеев, 1963, с. 67). Как видим, в этом случае автор отходит от высказанного им прежде мнения о том, что такие глаголы нельзя называть составными. И это понятно, потому что от них вполне возможно образовать составные существительные, например *худалдан абалга* 'покупка', *нидэжэ ябалга* 'полет'.

Т А Бертагаев, касаясь образований типа *түс гэхэ, хаб гэхэ, налд гэхэ*, писал «Так как эти сращенные сочетания обладают всеми признаками глаголов и ничем по существу от них не отличаются то их следует рассматривать как особую группу глагольных сочетаний и именовать их глагольными сращениями или глагольными идиомами» (Бертагаев, К исследованию лексики монгольских языков 1961, с 95)

Монголоеды наряду со сложносоставными глаголами зафиксировали появление в бурятском языке многочисленных композитных существительных и других частей речи В работе «Лексика современных монгольских литературных языков» (1974) Т А Бертагаев, помимо собственно сложных слов типа *үхибүүн* ‘ребенок’, выделяет сложные слова, образованные от свободных словосочетаний путем присоединения к нему какому-нибудь аффикса (напр , *налаа туруу-тан* ‘парнокопытные’, *олон шата-та* ‘многоступенчатый’) и путем примыкания слов (*удха шанар* ‘значение’, *үхэр хулгана* ‘крыса’, *ямаан бургааһан* ‘ива-шевлюга’) В своей монографии «Монгольская терминология» (1984 г) Г Ц Пюрбеев описывает образование аффиксированных сложных слов (*чулуу бутлуур* ‘камнедробилка’, *шороо сорогч* ‘пылесос’, *сурган хүмүүжүүлэгч* ‘педагог’) и сложные слова, в которых в роли аффиксов выступают терминологические элементы типа *байдал* ‘положение’, *чадал* ‘способность, умение’, *ес* ‘закон, порядок’, *газар* ‘земля’ (напр , *ангийн чанар* ‘классовость’, *илч багтаах чанар* ‘теплоемкость’, *үүлэрхэг байдал* ‘облачность’, *бодит байдал* ‘действительность, реальность’, *төлөх чадал* ‘платежеспособность’, *эмнэлгийн газар* ‘лечебное учреждение’, *номын сан* ‘библиотека’ и др) У-Ж Ш Дондуков в своих работах по словообразованию описал многочисленные модели образования составных терминов

С Л Чариков в работе «Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими» (1990) указывает, что часть сложных и составных прилагательных в бурятском языке калькируется целиком или частично, например *бүхэарадай* ‘всеародный’, *загаһабарилгын* ‘рыболовный’, *бүхээрмейскэ* ‘общееармейский’, *бүхэроссиин* ‘всероссийский’, *газ дүрсэтэ* ‘газообразный’, *жэсэжэбуржуазна* ‘мелкобуржуазный’, *ниитэ-союзна* ‘общесоюзный’, *оломиллион* ‘многомиллионный’, *олонациональна* ‘многонациональный’, *машинабайгуулгын* ‘машиностроительный’ и др (Чариков, 1990, с 103)

В своей программе систематического курса теории современного монгольского языка В М Надеяев предусматривает темы «Образование сложных глаголов» (подчеркнуто нами – ДШ) по типу неоднородных словосочетаний (*ам нийлэх, албан хаах, ан гөрөө хийх*), однородных словосочетаний (*сахин хамгаалах, сэлбэн засах*) и предикативных сочетаний слов (*дуугарах < дуу гарах, сэтгэл зовох*) (Надеяев, 1987, с 30) Предусмотрена также тема «Образование сложных глаголов сочетанием глаго-

лов *гэх*, *хийх* с образными и звукоподражательными словами по типу *түс гэх*, *пор пор гэх* ~ *пор пор хийх*, *падхийх*» (там же)

В работе «Современный монгольский язык Морфология» В М Надеяев указывает, что сложные слова в монгольском языке образуются в результате сложения двух и более исходных слов с вещественными значениями или в результате максимальной лексикализации синтаксических сочетаний слов (Надеяев, 1988, с 16) Далее автор пишет «Монгольские сложные слова являются составными (подчеркнуто нами – Д Ш) при относительной фонетической самостоятельности исходных простых с вещественными корнями (*ах дуу* ‘братья’) и слитными (подчеркнуто нами – Д Ш) при фонетической адаптации второго исходного вещественного слова (*дуугарах* ‘говорить’)» (там же)

Таким образом, из краткого обзора точек зрения монголоведов относительно составного глагола (и других частей речи) можно прийти к заключению, что основа такого глагола состоит из

1) имени и служебного глагола *тамхи татаха* – курить (*букв* табак тянуть), *уһанда орохо* – купаться (*букв* войти в воду), *һанаагаа зобохо* – волноваться (*букв* мыслью мучиться), *һалхи абаха* – простудиться (*букв* ветер взять),

2) глагола и служебного или полузнаменательного глагола *мулхижэ байха* – ползать (*букв* ползая быть), *мулхижэ ерэхэ* – подползать (*букв* ползая прийти), *мулхижэ орохо* – заползать во что-л., подползать под что-л. (*букв* ползая войти), *мулхижэ ябаха* – ползти (*букв* ползая идти), *мулхижэ гараха* – выползать (*букв* ползая выйти), *мулхижэ эхилхэ* – начать ползать,

3) изобразительного глагола и вспомогательного глагола *гэхэ тос гэхэ* – издать звук тук, *түр-тар гүүлэхэ* – грохотать (*напр* сапогами, *букв* говорить заставить түр-тар),

4) преверба и вспомогательного глагола *мулта татаха* – выдернуть (*букв* выдерь-тянуть), *шуу татаха* – разорвать (*букв* разорвь-тянуть), *хаха сохихо* – расколоть, разбить (*букв* расколь-бить),

5) наречия и служебного глагола *өөдэ абаха* – оказывать внимание (*букв* сверху взять), *урагиша абаха* – принимать во внимание (*букв* вперед взять)

В результате описания таких глагольных образований делается вывод, что служебные глаголы, сочетаясь с именами, изобразительными словами, префиксидами и наречиями в составном глаголе, не выражают ни модальности, ни времени, а используются лишь так сказать в качестве глаголообразующего суффикса Подобного рода сочетания заменяют отсутствующие в бурятском языке одинарные глагольные слова типа русских «курить», «жениться», «простудиться» и выражают таким образом единое понятие с глагольным значением Поэтому они выступают в качестве членов семантических рядов наравне с простыми словами

От составных глаголов, образованных с помощью служебных глаголов, образовались многочисленные составные существительные и прилагательные, соответствующие существительным русского языка с отвлеченным значением, а также русским сложным словам, например *тамхи таталга* – курение, *хамга абалга* – женитьба, *шуа абалга* – кровопускание, *ургаса абалга* – уборка, *нефть абалга* – добыча нефти, нефтедобыча, *нүүрхэ абалга* добыча угля, угледобыча, *нүүрхэ абалгын* – угледобывающий, *уһөөгөө абалга* – мщение, *уһөөгөө абагша* – мститель, *судна барилга* – судостроение, *судна барилгын* – судостроительный, *бута сохилго* – разгром, *хаашажа абалга* – вымогательство и др

§ 7 «Модели образования составных именных слов». Кроме рассмотренных выше составных глаголов, в бурятском языке появились многочисленные модели, по которым образуются составные имена существительные, прилагательные, наречия и другие части речи

Таким образом, можно констатировать, что в бурятском языке за прошедшие десятилетия установился весьма продуктивный способ словообразования, а именно словосложение (или основосложение), посредством которого образуются составные слова, относящиеся главным образом к двучосновному типу. При этом среди существительных выделяются

1 Составные основы по типу существительное + существительное. По этой модели образованы прежде всего личные имена людей. А. Г. Митрошкиной обстоятельно описаны все модели, по которым образуются сложные мужские и женские бурятские имена (Митрошкина, 1987, С. 151-156).

Личные существительные, по-видимому, также должны квалифицироваться как составные слова: *буряад хүн* – бурят, *ород хүн* – русский, *англи хүн* – англичанин, *инди* (или *энэдхэг*) *эхэнэр* – индианка, *индиан эхэнэр* – индианка (т.е. женщина индейской национальности), *аша* (или *зээ*) *хубуун* – внук, *хүгшэн аба* – бабушка и др.

К этому же типу относятся довольно многочисленные ботанические и зоологические названия, например *алтан зула* (*сэсэг*) – тюльпан, *алтан гургалдай* – соловей, *улан үрмэдээн* – лебеда, *тэмээн нүүл* – душица, *ямаан арса* – можжевелник, *хурьган шэхэн* – щавель, *морин хараасгай* – стриж и др.

В наше время по модели основа существительного + существительное образованы главным образом термины, причем деривационную функцию часто выполняет второй компонент, например *мач ажал* – животноводство, *адуун ажал* – коневодство, *газар ажал* – земледелие, *тарьян ажал* – полеводство, *нэрэ хэлэгшэ* – именное сказуемое, *глагол хэтэгшэ* – глагольное сказуемое и др.

Модель имя существительное в родительном и очень редко в совместном падежах + существительное, например *шюдэнэй сэсэгэ* – зрачок, *нохойн хониоор* – шиповник, *шулуутай бэлэлиг* – перстень

2 Составные основы по типу определительных словосочетаний (имя прилагательное + имя существительное) По той модели образуются многие видовые названия *сагаан ьархьяг* – груздь, *шара ьархьяг* (или *моогэ*) – рыжик, *улаан ьархьяг* – сыроежка и др Также по этой модели образовано множество топонимов *Улаан-Удэ* – Улан-Удэ, *Улаан-Баатар* – Улаан-Батор, *Хүхэ-Хото* – Хулу-Хот, *Сагаан далай* – Белое море, *Хара далай* – Черное море, *Шара далай* – Желтое море, *Шара мурэн* – Янцзы, *Хүхэ мурэн* – Янцыцзян и др

3 Составные основы по типу обстоятельственных словосочетаний (деепричастие + отглагольное существительное), например, *уралан нари-жуулагша* – рационализатор, *ухаалан зохоолго* – изобретение, *ухаалан зохоогшо* – изобретатель, *ьурган хүмүүжүүлэгшэ* – наставник, *тараан са-сагша* – распылитель, *худалдан абалга* – покупка, *худалдан абагша* – покупатель и др

4 Составные основы по типу дополнительных словосочетаний По этому типу образуются составные слова типа *модо бэлэдхэл* – лесозаготовки (имя существительное в винительном падеже + отглагольное существительное) *буу зэбсэг хуряага* – разоружение, *галл түлигшэ* – истопник, *үргэл хэгшэ* – жертвователь, *юумэ нөөсэлэгшэ* – накопитель и т д

5 Составные основы по типу предикативных сочетаний, например *дуу гаралга* – говорение Образование собственных имен путем онимизации целых предложений было сильно развито в монгольском языке *Дуу дагуул* – *досл* Веди за собой младших, *Буян ирэг* – *досл* Пусть придет добродетель, *Од гийв* – *досл* Звезда засветилась, *Би ирлэ* – *досл* Я пришел В бурятском языке встречаются в основном предикативные сочетания – односоставные предложения например *Адли бэшэ* – *досл* Не похожий, *Гайн саг* – *досл* Хорошее время (напр , отчество – Буянто Сайнцакович)

6 Составные основы парных слов по типу однородных словосочетаний, например *эхэ эсэгэ* – родители, *үндэр набтар* – высота и много др Кроме того, выделяются составные основы, образованные посредством так называемых терминоэлементов, например *ангиин шанар* – классовость, *түлэхэ шадал* – платежеспособность

Составные имена прилагательные образуются по модели основа существительного + имя прилагательное или существительное с формантом *-тай*, например

ехэтэй эрдэм ехэтэй – высокообразованный, *холисо ехэтэй* – низкопробный (г е с большой долей примесей – о золоте), *товар үгэсэ ехэтэй* – высокотоварный, *сала ехэтэй* – снежный, *нооно ехэтэй* – шерстистый, *шииг нойто ехэтэй* – с повышенной влажностью, *нүлөө ехэтэй* – влиятельный, *эрилтэ ехэтэй* – требовательный, *ашаг шэмэ ехэтэй* – высокопродуктивный и др В качестве второго компонента, выполняющего роль полужнаменательного компонента, могут использоваться еще слова *багатай*, *һайтай* (*һайнтай*), *муутай*, *ажалтай*, *шанартай*, *уьатай*, *ябадал-*

тай, наьатай, үхэтэй, бээтэй, үнэртэй, амтатай, гартай, даасатай, хүлтэй

Составные имена прилагательные образуются также по модели существительное в форме основы+прилагательное в исходной форме, например

сагаан һун сагаан – молочно-белый, *үндэгэн сагаан* – белый, как яйцо, *һара сагаан* – лунная (светлая) ночь, *ама сагаан* – белорогий, *һахал сагаан* – белобородый, седобородый, *һаншаг сагаан* – с седыми волосами на висках, *табгай сагаан* – с белыми копытами, *хүбэн сагаан* – белый, как вата, *һан сагаан* – белый, как кость, *сахюур сагаан* – белый, как кремь

В качестве второго компонента, выполняющего функцию слова-морфемы, могут выступать еще прилагательные *боро, хара, улаан, шара, хүхэ, дүүрэн, буруу, зүб, зузаан, нимгэн, соорхой, татуу, хатуу, нюсэгэн, хооһон, мухар, бүдүүн, хүнгэн, хүндэ, жорхой* и много др

Наряду с такими образованиями, исконно бытовавшими в бурятском языке, в нем появились составные прилагательные-кальки, созданные по образцу соответствующих русских сложных прилагательных или словосочетаний. Здесь также намечается много моделей. Например, существительное в форме основы + существительное в форме родительного падежа *хабар-намарай* – демисезонный, *хүдөө ажыхын* – сельскохозяйственный, *хүдэлмэришэн-залуушуулай* – рабочей молодежи, *һүүжэ-можын* – тазобедренный, *соел-ажануудалай* – культурно-бытовой, *локомотив-вагон занһабарилгын* – локомотиво-вагоноремонтный, *эрдэм-техникын* – научно-технический, *бууса шадарай* – приусадебный

В качестве первого компонента могут выступать числительные, прилагательные в форме основы, а также аффиксально оформленные прилагательные или существительные, например *табан жэсэй* – пятилетний, *олон жэсэй* – многолетний, *удаан болзорой* – долгосрочный, *Зүүн-Сибирин* – Восточно-Сибирский, *гадагуур холын* – сверхдальний, *хэм гадна* (или *хэтэ гадна*) *мүнөөнэй* – сверхсовременный, *үлэмжэ бата* – сверхпрочный, *түсэбһөө гадуур* – сверхплановый

В этом параграфе главным образом рассмотрены составные имена. Однако имеются еще составные наречия, послелогии и другие части речи

В § 8 «Аспектуальность в бурятском и русском языках и роль составных образований в выражении видовых значений в бурятском языке» отмечается, что фундаментальным свойством любого языка является национальное своеобразие его семантики. Например, в русском языке оно проявляется в том, что в любом предложении, в котором имеется глагол, обязательно выражается вид, показывающий характер протекания действия во времени, отношение его к внутреннему пределу, идея законченности и незаконченности действия. В параграфе отмечено, что проблемы вида в бурятском языке занимались многие исследователи, в том числе русисты, и было ими единодушно признано, что в бурятском языке

существует морфологически выраженная категория вида и были выявлены многочисленные аналитические и синтетические средства выражения видовых значений. Однако в понимании сущности самой категории вида, количества видов до сего времени царит большой разнобой мнений. Последнюю по времени попытку более подробно рассмотреть бурятский глагольный вид с учетом современных достижений аспектологической науки как в нашей стране, так и за рубежом предприняла П. П. Дашинимаева в своей монографии «Типология аспектуальности» (2003 г.)

Категория вида и в русском языке представляет собой явление относительно новое, в полной степени не «грамматикализованное», в известной степени совмещающие в себе лексические и грамматические значения. Как пишет О. А. Нечаева, «тема «Вид глагола» не столько грамматическая, сколько лексико-семантическая. Трудность именно в том, что значение вида как выражение внутреннего предела действия передается в семантических группах глаголов» (Нечаева. Об изучении некоторых групп слов русского языка в бурятской школе // Вопросы преподавания русского языка в условиях русско-бурятского двуязычия, 1981, с. 80).

В параграфе рассматривается как, какими средствами бурятские переводчики передают значения видов на примере прежде всего произведений А. А. Бальбурова, переведенных Г. Г. Чимитовым, в ходе анализа привлекаются и некоторые другие переводы.

В § 9 «Сложные слова русского языка с интернациональными семантиками и их соответствия в бурятском языке» рассмотрены способы передачи на бурятский язык компонентов сложных слов русского языка указанного типа.

Указывается, что многие из таких слов употребляются в заимствованном виде, но в некоторых случаях могут и переводиться на бурятский язык. Так, интегральная сема *авто*, составляющая первую часть сложных слов русского языка и образующая ЛСГ с обобщенным значением 'относящийся к автомобилям, автомобильному транспорту', 'автомобильный', бурятским языком большей частью заимствуется в этом же виде со своим вторым компонентом, например *автобаза*, *автошинэ*, *автоготонно*, *автотурист*, *автоинспектор*, *автоспорт*. В то же время во многих словах находит свой эквивалент в бурятском языке второй компонент такого образования: *авто-урилдаан* – автогонки, автопробег, *авто-зам* – автомагистраль, *авто-шэгнүүр* – автовесы, *авто-нүүдэл* – автопередвижной, *автомобиль хабсардаг* – автосборочный, *автомобильнуудые запан гоеолго* – автосервис, *авто-хамбы (нэгэ зорилгоор ябажа байгаа олон автомобиль)* – автокараван. В то же время следует сказать, что в разговорном языке употребляются только заимствованные варианты.

Некоторые слова, имеющие важную значимость для общества, кратко комментируются в параграфе. Например, слову *панмонголизм*, который на бурятском языке семантизируется как *бүхэмонгол гүрэн байгуул*

ха гэжэн үзэрт, дается такой комментарий считается, что панмонголизм как идейно-политическое движение не получило своего полного оформления. Во время гражданской войны здесь появился некий Нейче-тойн, выходец из Внутренней Монголии, который провозгласил идею создания общемонгольского государства со столицей в г. Хайларе, в состав правительства которой должны быть включены буряты и халхасцы. Эта его попытка не увенчалась успехом и он вскоре был расстрелян. Во время репрессий конца 30-х годов многие представители бурятской интеллигенции и крестьянства были обвинены в панмонголизме и репрессированы. В настоящее время считается, что никакого панмонголизма в Бурятии не было и нет. 16 августа 1994 г. в газете «Бурятия» была опубликована статья известного историка-археолога А. В. Тиваненко «По пути национального согласия», в которой он проводит идею о том, что бурятские историки и идеологи усиленно разыгрывают «панмогольскую карту, представляя бурят частью монгольского мира». По его мнению, основные бурятские племена эхиритов, булагатов, хори и хонгодоров никогда не были чистыми монголами по происхождению, что их генетическая основа тюркская. По поводу этой статьи было высказано много критических замечаний в статьях Б. Васильева, Ш. Чимитдоржиева, Т. Михайлова и других. А. В. Тиваненко пишет, что «эхириты, и еще раньше булагаты, в 17 в. говорили на тюркском языке». По поводу этой фразы Т. М. Михайлов справедливо заметил: «Более откровенной фальши трудно придумать».

На самом же деле, в частности, буряты до сего времени продолжают жить на своей исконной территории, которая до вхождения бурят в состав России в XI – XVII веках являлась частью Монголии. Собственно монголы Трехречья (Онона, Керулена и Толы) по женской линии происходят от хори-туматов и относительно монголоязычности бурятских племен никто никогда не сомневался.

Надо также иметь в виду, что этноним «монгол» является родовым названием, как, например, этноним славянин, тюрк и т. д. Чистых монголов никогда не было, были кериты, найманы, ойраты, борджигинцы, баргуты, хори и т. д. В XII – XIV вв. все они образовали один суперэтнос – монгольский, становясь этникосами (см. статью Т. М. Михайлова «Никакого панмонголизма сейчас нет») («Бурятия», 3 ноября 1994 г.).

В § 10 «Тематическая парадигма и лексико-семантическая группа слов бурятского и русского языков» дается характеристика этих системных объединений слов, раскрываются их общие и отличительные признаки. В параграфе указано, что, поскольку тематические парадигмы организуются названиями реальных предметов, а понятийные сферы весьма многочисленны в реальной действительности, то в современном бурятском и русском языках существует большое количество тематических рядов. Например, к ним относятся: 1) глаголы движения, 2) названия частей человеческого тела, 3) пища, 4) родство и т. д.

Рассмотрение парадигматических отношений слов показывает, что лексика – это особым образом организованная система. В ней отсутствует единый семантический показатель членения, но она состоит из больших или меньших по объему групп, каждая из которых объединяется на основе общих для нее интегральных элементов и обладает дифференциальными элементами в каждом из своих членов. При изменении (расширении) значения слова тематическая группа, в которой было это слово, расширяет свой ряд или данное слово относится к другой группе. Для примера воспользуемся словом *хэмэл одон* – спутник. Если мы посмотрим значение этого слова по «Словарию русского языка» С. И. Ожегова (1949 г. издания), то увидим следующее: ‘тот, кто вместе с кем-нибудь совершает путь’. Слово входило в тематическую группу ‘человек’. В 1957 году впервые в мире в Советском Союзе запустили искусственный спутник Земли, и появилось новое значение: ‘аппарат, который летит по околоземной орбите’. Этим новым значением слово входит в новую группу ‘человек и Вселенная’: космос, космический корабль, космический аппарат, спутник, лунный робот, орбитальный дом, космонавт, стыковка и др.

В параграфе показан «механизм» объединения слов в тематические группы. Для того, чтобы определить, к какой группе относятся слова, необходимо определить семантические признаки, по которым слова объединяются в тематические группы: *эсэгэ* – отец, *эхэ* – мать, *хубуун* – сын, *басаган* – дочь, *аша хубуун* – внук, *аша басаган* – внучка. Например, слова отец и мать будут отличаться всего одним признаком ‘мужской пол’ – ‘женский пол’, отец и сын, мать и дочь также одним признаком ‘родитель’ – ‘рожденный’. А вот слова мать и внук различаются уже тремя признаками: ‘женский пол’ – ‘мужской пол’, ‘рожденный’ – ‘родитель’, ‘первое поколение’ – ‘третье поколение’ (сравните мать и дочь – внук). Всего, чтобы описать каждое слово, требуется не менее пяти различных признаков. Например, *эсэгэ* – отец имеет следующие признаки: ‘мужской пол’, ‘родитель’, ‘рожденный по линии прямого родства’, ‘кровный родитель’, ‘родитель’, ‘рожденный в первом поколении’. На основании пяти противопоставлений можно выделить семантические признаки, содержащие информацию: 1) о признаках пола, 2) о признаках рождения, 3) о признаках, различающих родство по брачным связям, 4) о признаках, различающих родство по прямой и косвенной линии, 5) о поколении, к которому принадлежит родственник.

Как мы видим, семантическая группа родства выделяется на основе общего признака, объединяющего все слова данной группы – *түрэл* – родственник.

Таким образом, слова в языке существуют не изолированно друг от друга, а объединяются в речи, в языке с помощью отдельных значений. Именно поэтому и происходит соединение слов в тематические группы по родовым семам. А исследование словарного состава языка дает общее, но

в то же время достаточно четкое представление о значениях слова, их взаимодействиях в пределах многозначного слова и целостной структуры языка

Исследование тематических групп смыкается с практическими задачами большой важности

Сейчас перед бурятским языкознанием стоит задача найти и описать как можно больше тематических групп, начиная с небольших, четко выделяемых микросистем Это важно не только для лексикографии, преподавания языков, переводной практики, но и для всей нашей лингвистики в целом, так как этим облегчается поиск нужного по смыслу слова, приведение в систему группы слов

В параграфе дан перечень основных тематических групп с ориентацией на работы профессоров У-Ж Ш Дондукова и Ц Б Будаева, в которых эта классификация разработана наиболее полно

Необходимо отметить, что данная классификация имеет предварительный характер и нуждается в дальнейшей, более подробной разработке

Приведенный перечень тематических групп бурятского языка наталкивает на мысль, что необходимо осуществить глобальную тематическую классификацию лексики бурятского языка, которая должна вылиться в двуязычный «Тематический словарь бурятского языка» В идеографических словарях слова обычно классифицируются в рамках таких крупных разделов как «Человек», «Общество», «Природа» В параграфе даются некоторые примеры разработки тематических групп на примере раздела «Человек» При этом даются рекомендации того, к каким средствам следует прибегать в случаях, когда в бурятском языке отсутствуют слова, адекватные по семантическим параметрам словам русского языка Так, в бурятском языке отсутствует одинарная лексема, точно соответствующая русскому слову «память» Поэтому в разных контекстах это понятие передается по-разному *һанаанда орохо* ‘прийти на память’, *сээжэлдэхэ* ‘выучить на память’, *ухаан сэдхэлдэ бүхөөр хадуугаха* ‘врезаться в память’, *бүтэхэгүй мартамхай* ‘куриная (или девичья) память’

В параграфе констатируется, что внутри тематической группы обычно выделяется лексико-семантическая группа (ЛСГ) – так же весьма обширная по объему своих членов организация слов, которая объединена общим (базовым) семантическим компонентом Семантический компонент включает в свой состав одну и ту же классему-сему, характеризующую принадлежность слова к одной и той же части речи, и одни и те же лексограммы, семы, обозначающие лексико-грамматические разряды этой части речи К ЛСГ относятся, например, существительные, обозначающие предметы комнатной обстановки *стол, стул, диван, шкаф, амһарта* – посуда, *хибэс* – ковер, холодильник, телевизор и др., прилагательные со значением физической характеристики человека *үндэр* – высокий, *туранхай* – худой, *будуун* – толстый, *һайхан, гое* – красивый, *хүгизэн* – старый,

болхи – неуклюжий и т.д., глаголы зрительного восприятия *хараха, шэртэхэ* – смотреть, глядеть, созерцать, *хайхашааха* – любоваться, *харад-харад гэхэ* – взглядывать, смотреться, высматривать и т.д. К ЛСГ относятся, например, названия одежды, обуви, названия сельхозорудий, термины ремесел, земледелия, скотоводства, рыболовства, обозначение цвета. Названия тематическая парадигма и ЛСГ часто употребляются одно вместо другого, но ЛСГ более употребительно как родовое название.

В § 11 «Гиперо-гипонимические парадигмы бурятского и русского языков» констатируется, что в обоих языках очень много примеров, когда одни слова «подчиняются» другим, одни слова – «главные», другие – «подчиненные». В таких случаях мы имеем дело с отношением подчинения видовых понятий родовому. Вид – каждый класс предметов, который входит в объем более широкого класса предметов, называющегося родом, например *шэлбүүхэтэ модод* – хвойные деревья являются видом по отношению ко всему классу деревьев, но они становятся родом по отношению к классу сосен – *нархан* (сосны – вид хвойных деревьев).

Родовое слово является носителем интегрального значения. Если, например, слово *модон* – дерево обозначает любое дерево, независимо от сорта – хвойное или лиственное, ель или береза, то следующие слова липы, клены, дубы – употребляются как конкретные названия сорта дерева.

Гипонимия тесно связана с синонимией лексических единиц. Она характеризуется подчинением одних единиц другим. Понятие «липа» подчинено понятию «дерево», так как в этом слове выявляются общие признаки всех деревьев. Понятия «липа», «береза», «дуб» находятся в отношении соподчинения, т.к. они одинаково подчинены родовому понятию «дерево». К примеру, *огородой эдеэн* – овощи, *үгэрсэ* – огурцы, *морхооб* – морковь, *помидоор* – помидоры и т.д., *алим жэмэс* – фрукты: яблоки, груши, сливы, *жэмэс* – ягоды: клубника, *нэрхэн* – голубика, *алирхан* – брусника и т.д. Такие понятия основываются на логико-семантических отношениях.

Наличие общего признака (дерево – многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону) объединяет все видовые слова и отличает их конкретными дифференциальными значениями: клен не просто дерево, а дерево с широкими, фигурными листьями, *сарса*, дуб – не только крупное лиственное дерево с крепкой древесиной, но и с плодами – желудями.

Такие признаки лексических единиц, отличающие одно слово от других, находящиеся в определенной системе, и составляют их вид. Общие признаки для всех видовых понятий образуют род.

Таким образом, гипонимы – одни из конституирующих принципов организации словарного состава. В логике гипонимии соответствует понятие «включение». Слова, имеющие более широкий объем понятия, включают в свой объем номинации понятий, составляющих данное и имеющих

малый объем понятия, но определяются большим содержанием У «цветка» меньше содержательных признаков, чем у «розы» не определена форма лепестка и всего соцветия, форма листа, запах и др. Описание «розы» содержит все эти данные, поэтому объем понятия сужается. Это только то растение, которое имеет определенной формы лепестки, соцветие, лист и т.д.

Гипонимия позволяет носителю языка выбирать более общее или конкретное наименование, чего требует та или иная ситуация речевого общения. Например высказывание «У нас живет долматин» может имплицировать предложение «У нас живет собака» и исключает возможность согипонимов (колли, дог, спаниель, пудель и др.) в данной ситуации. Другая речевая ситуация требует использования согипонимов. Например «На выставке собак были представлены колли, пудели, спаниели, доги, долматины и другие породы». Ряд может оставаться открытым.

Описание, изучение гиперо-гипонимических отношений – это дело будущего, ибо по этой проблеме, можно сказать, в бурятоведении мы пока не обнаружили каких-либо изысканий. Для иллюстрации высказанных положений в параграфе приводится ряд гиперо-гипонимических парадигм, например *бороо* – дождь, *дулаан бороо* – грибной дождь, *сагаан бороо* – слепой дождь, *Һээ бороо* – продолжительный (или затяжной дождь), *аадар бороо* – проливной дождь, *намарай бороо* – осенние дожди и т.д.

В § 12 «Синонимические парадигмы бурятского и русского языков» указывается, что в основе синонимов лежит общность значения речевых средств. В каждом синониме представлено то общее, что позволяет его ставить в параллель с другими словами, и то частное, своеобразное, специфическое, что отличает его от других. Существование синонима оправдано его смысловой спецификой и стилистическим своеобразием. Например, от слова *калоши* его синоним *мокроступы* отличается и в стилистическом плане (архаично-книжным оттенком), и морфологической структурой.

В языкознании наблюдаются разногласия в понимании синонимов. Наиболее распространенной является трактовка синонимов как слов, по-разному звучащих, но одинаковых или близких по смыслу.

Синонимы объединяются в многочисленные ряды, состоящие, как правило, из нескольких членов. Однако синонимические ряды в разных словарях и у разных авторов не совпадают. Причина этого видится в том, что по-разному понимается термин «близкие значения». Так, в двухтомном «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой в синонимический ряд с опорным словом «мать» отнесены слова *мама*, *мамаша* (*разг.*), *мамка* (*прост.*) Но почему в этом ряду отсутствуют слова *маманя*, *матка*, *маменька*, *родительница*, *матушка*? Н.Б. Дугаров под общим значением 'конь, лошадь' выделяет синонимы *морин* – *агта* –

хүлэг А почему не включены *ардаг – гүйгөөшиэ – морин галдан – хүлэг* (или *морин*) *эрдэни – унаа – адууһан – дагадха* конь – лошадь – кляча?

И для того, чтобы более или менее одинаково выделять синонимические ряды, без обращения к денотативно-понятийной стороне в значениях слов, как кажется, невозможно обойтись

Нам представляется совершенно справедливым следующее высказывание А П Евгеньевой «Тожественными и близкими по значению следует считать только те слова, которые употребляются для обозначения одного и того же понятия и различаются между собой или оттенками значения в пределах данного понятия, или экспрессивной, эмоциональной окраской, или употреблением в определенных стилистических условиях, в определенных сочетаниях с теми или иными словами» (Словарь синонимов русского языка, т I, 1970, С 10)

Для сопоставления значений членов ряда, значение доминанты разлагается на семы или элементарные частицы смысла Так, в приведенной выше доминанте «ворчать» такими семами являются ‘бормотать’, ‘сердито’, ‘выражая неудовольствие’ Эти семы называются гипосемами В слове «брюзжать» наличествуют все эти гипосемы, к которым добавляются дифференциальные семы ‘постоянно’ и ‘надоедливо’, а в слове «бурчать» к доминантным добавляется сема ‘невнятно’ Таким образом, доминанта обладает самым объемным и нейтральным значением, т е является носителем интегрального значения и семантической точкой отсчета для других членов ряда или парадигмы Значение каждого синонима сопоставляется со значением доминанты Остальные члены синонимического ряда являются носителями дифференциальных значений

Дифференциальные семы подразделяются на три типа

1) семы содержательного характера (рациональные семы) Например, в синонимическом ряду *үргэн – далбагар – халбагар – һалбагар – тилагар – һарнагар – тэрбэгэр* с общим интегральным значением ‘имеющий большую ширину’, ‘большой в поперечнике’, ‘просторный’ в синониме *һалбагар* рациональной (или содержательного характера) дифференциальной семой является сема ‘расстилающийся’, в синониме *тилагар* – ‘лицо’, в *һарнагар* – ‘нос’, в *тэрбэгэр* – ‘плечи’, 2) семы, характеризующие стилевую принадлежность синонима, – *тилагар* (разг и худ), 3) стилистические коннотативные семы или семы эмоционально-экспрессивного характера – *высок*, *бран*, *ирон* и т д Например, в ряду *унтаха – нойрсохо – хунхыха* спать – поживать – дрыхнуть *нойрсохо* – поживать характеризуется коннотативной семой *высок*

Для того, чтобы убедиться, что члены синонимического ряда обладают общим интегральным значением, т е обозначают оттенки одного и того же понятия, необходимо сопоставить их сочетательные возможности, подставляя их в одни и те же контексты При этом слово, обладающее полной валентностью, является доминантой А другие слова, обладающие

положительной сочетаемостью в одном или двух случаях, являются членами ряда. Если же какое-то слово может сочетаться с большинством приведенных слов и словосочетаний, но при этом не имеет общей интегральной семы с ними, то оно выключается из данного ряда. Например, в РБС-54 слово «вмешаться» со значением «стать участником чужого дела, ввязаться (в спор, в разговор, в драку)» переведено словами *хамааралсаха*, *хамаарха*, *хабаадалсаха*, *оролсохо*. Из них *хабаадалсаха* сочетается с большинством из этих слов, но имеет только значение «участвовать», а не «вмешиваться» и поэтому должно быть выключено из этого ряда. Отсюда вытекает, что оно в РБС необоснованно включено в перевод слова «вмешиваться».

В параграфе дается подробное описание разновидностей синонимов – идеографических, стилевых, семантико-стилистических и контекстуальных. Описываются источники образования синонимов и делается вывод, что синонимы входят в словарный состав любого языка, как его национальное достояние, как уточняющее, отшлифовывающее средство выражения мысли и обязаны своим бытием соотносительностью с основным, стержневым словом.

В § 13 «Антонимические парадигмы в бурятском и русском языках» говорится, что в этом случае слова объединяются друг с другом по противоположным значениям, которые для них характерны, в замкнутые пары (*хайн* – хороший / *луу* – плохой, *үгэн* – правда / *худал* – ложь, *хэлэхэ* – говорить / *абяагүй байха* – молчать). Антонимы являются словами разного звучания, выражающие противоположные, но соотносительные друг с другом понятия. На наличие полярных противоположностей в окружающем человека мире и в самом человеке мыслители обратили внимание еще в древности. Так, в китайской натурфилософии были разработаны категории инь и ян, означающие противоположности отрицательное – положительное, темное – светлое, женское – мужское, пассивное – активное и т.д. Считалось, что они выступают в неразрывном единстве и что их взаимодействие является источником движения и развития мира.

Антонимы обычно характеризуют одно и то же понятие с двух разных сторон. В предложении *Нарин аад, гүнзэги гол* «Узкая, но глубокая речка» *нарин* «узкий» и *гүнзэги* «глубокий» не являются антонимами, потому что они относятся к двум разным понятиям (ширина и глубина). Антонимы характеризуют одно и то же явление, понятие с противоположных сторон. Если, к примеру, речь идет о глубине речки, то антонимами будут *гүнзэги* «глубокий» – *гүйхэн* «мелкий, неглубокий», а в случае ширины *үргэн* «широкий» – *нарин* «узкий».

Если возьмем синтагматическую сторону, то антонимы обычно сочетаются с одними и теми же словами *халуун зун* – жаркое лето / *хүйтэн зун* – холодное лето, *сэлмэг үдэр* – ясный день / *бүрхэг үдэр* – пасмурный

день, *эгүүр хүн* – здоровый человек *үбиэн хүн* ‘больной человек’, *хого газар* – далекое место *ойро газар* – близкое место, *гал носоохо* – развести огонь *гал унтарааха* – погасить огонь

Если произнести один из членов антонимической пары, то обычно в памяти тотчас всплывает другой ее член при *хайн* ‘хороший’ вспоминается *муу* ‘плохой’, при *зоөлэн* ‘мягкий’ – *хатуу* ‘жесткий’ и т.д. Сопоставительное изучение антонимов бурятского и русского языков показывает, что между антонимами этих языков наличествуют достаточно систематические соответствия. За прошедшие десятилетия, когда в большом объеме делались переводы русской художественной и общественно-политической литературы с русского на бурятский язык, корпус антонимов бурятского языка уточнялся и дополнялся. При этом появились составные, композитные образования типа *хани барисаан* ‘дружба’, *эб найрамдал* ‘мир’, *буу эзбсэг хурялга* – разоружение, *бээс хамгаалха* – обороняться и др.

В параграфе дается характеристика полных и неполных, разнокорневых и однокорневых, а также контекстуальных антонимов

В главе II «Лексико-семантические группы бурятского языка, безэквивалентная, диалектная лексика и фразеология (сопоставительный аспект)» сравниваются с русскими кореллятами ЛСГ, обозначающие стороны света (§ 1), буддийские перифрастические названия (§ 2), ЛСГ, относящиеся к мясной пище бурят (§ 3), к некоторым видам домашних животных, жилищам и поселениям бурят (§ 4), описываются трудности, встречающиеся при переводе на другой язык диалектизмов и национально-специфических реалий

При сопоставлении ЛСГ бурятского и русского языков выявляются общие моменты, а также весьма значительные различия

Например, в названиях со значением ‘восток’, ‘восточный’ участвует слово *зүүн*. Также этим словом переводится слово «левый» левая рука – *зүүн гар*, левый глаз – *зүүн нюдэн*. Однако слово со значением ‘левый’ имеет особенности употребления в бурятском языке. Дело в том, что в этом языке прямые эквиваленты имеются для слова «левый» лишь в том случае, когда оно имеет значение ‘расположенный в той стороне тела, где находится сердце’ левый бок – *зүүн хажуу*, левый глаз – *зүүн нюдэн*, левая рука – *зүүн гар*. Когда же слово «левый» имеет значение ‘расположенный с этой стороны, если стоять лицом по направлению течения (о берегу реки, притока)’, оно переводится словом *зүүн* лишь в случае, когда речь идет о восточном направлении левая сторона дороги – *харгын зүүн тала*, в левом углу – *зүүн буланда*, левый приток Волги – *Волгын зүүн халаа*. В этих случаях дорога имеет направление с севера на юг, а река течет также в этом направлении. Если же река или дорога направлены в другие стороны, то слово «левый» переводится словами, обозначающими эти направления

левый берег Селенги – *Сэтэнгын баруун эрье* (река течет с юга на север), левый берег Уды – *Удын хойто эрье* (река течет с востока на запад)

В таком порядке описаны и другие ЛСГ, рассмотренные в § 2 «О системе перифрастических названий в буддийских сочинениях», в § 3 «Лексико-семантические группы, относящиеся к мясной пище бурят», в § 4 «Лексико-семантические группы, обозначающие некоторые виды домашних животных, жилища и поселения» данной главы.

В § 2 говорится о весьма распространенном в буддийской литературе речевом приеме, заключающемся в замене названия предмета и явления другими названиями или описательными оборотами, имеющими иногда образно-переносное значение. Например, страна Тибет, откуда пришел буддизм к монгольским народам, называется «Страной снегов», «Страной снежных вершин» или «Страной богов», «Страной небожителей и драконов». Основатель буддизма Сиддхартха Гаутама, получивший после просветления имя Будда, в буддийских сочинениях наделяется более тридцати перифрастическими названиями, характеризующими его с разных сторон. Так, перифраза *Илажа Тугэс нүгшэгсэн* с санс Бхагават, досл. ‘ушедший с победой’ обычно толкуется так «илажа» означает ‘победивший все страсти’, «түгэс» – ‘совершенный во всех отношениях’, «нүгшэгсэн» – ‘отрешившийся от страданий, связанных с рождением, болезнью, старостью и победивший привязанность к этому миру’. Таким образом же интерпретируются и некоторые другие перифразы-эпитеты.

§ 3 указывается, что лексика бурятского языка подразделяется на тематические группы или семантические поля, некоторые из них весьма обширны. Одно из таких объединений слов составляют названия продуктов питания. Внутри себя оно также распадается на несколько групп, одну из которых и составляют названия, относящиеся к мясной пище. Внутри этой группы выделяются ЛСГ, относящиеся к отдельным микротемам, например домашний запас мяса на зиму, виды домашних животных, закаливаемых на зиму, способы их умерщвления, названия, относящиеся к свежееванию туши, очищению потрохов, разделке туши, способам хранения и, наконец, приготовление из мяса животных блюд, их разновидности, сервировка мясных блюд.

Такое же семантическое поле представляют из себя группы, относящиеся к домашним животным, жилищам и поселениям бурят, рассмотренные в § 4. Внутри них так же выделяются отдельные темы, например, юрта и ее части, дом и его части. Каждая из них составляет микросистему.

§ 5 «Безэквивалентные слова и способы их передачи на другой язык» посвящен передаче национально-специфических реалий и других безэквивалентных слов при переводе с бурятского на русский и наоборот. Национально-специфические реалии многочисленны у каждого народа. И если все эти названия оставлять без перевода, это нанесет ущерб понятности, доступности текста и его художественности. Поэтому часть этих слов-

реалий переводится В этом случае обычно используется слово, обозначающее нечто близкое по функции к иноязычной реалии Часто оно конкретизируется уточняющим определением Например, М Степанов слово үхэг переводит словосочетанием "низенький шкафчик" *бага хорхигор хуушан үхэг дээрэ хэдэн муу хайн аяга табгаг табяатай* – На низеньком шкафчике деревянные тарелки и чашки

Слово *дасан* им переводится словом "монастырь" "Как-то в жаркий летний день в монастырь к одному ламе пришли гости" В бурятско-русском же словаре слово "дасан" передается как "дацан, ламаистский храм" Словом же "монастырь" М Степанов переводит и слово "хүрэн", к которому К М Черемисов предлагает словосочетание "ламайский монастырь" Нам кажется, что слово "дацан", которое употребляет в своей речи и русскоязычное население нашей республики и которое является основным потребителем бурятской переводной художественной литературы, не нуждается в переводе А вот синонимичное ему слово "хүрэн", которое не имеет такого широкого распространения, можно и перевести словом "монастырь" Подобные слова, наличие которых определяется влиянием на русский язык языка аборигенов, О А Нечаева относит к сибирским этнографизмам Как справедливо указывает исследователь в статье "Этнографическая лексика как источник обогащения русского литературного языка", "лексические этнографизмы оказываются необходимыми не только в устном общении, но и в письменной литературной речи" (Нечаева, 1965, с 188) Правда, несмотря на широкое употребление эта лексика или вовсе не отражается в толковых словарях, или квалифицируется как областная наравне с дублетными областными словами Мы солидарны с О А Нечаевой, когда она призывает "путем включения их (этнографизмов – ДШ) в словари поддержать этот живой процесс освоения лексических этнографизмов литературным языком, борясь вместе с тем с дублетными словами, которые засоряют литературный язык" (Нечаева О А Этнографическая лексика как источник обогащения русского литературного языка // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху Улан-Удэ, 1965, с 193) В частности, к таким этнографизмам автор относит слова "позы" (кулинарное изделие), "утуг" (унавоженный покос) и др

Обобщая сказанное в данном параграфе, автор приходит к такому выводу Для передачи реалий бурятские переводчики прибегают к следующим приемам

- 1) слово заимствуется без изменений нойон, лама, дацан, тэрлик, дэ-гэл,
- 2) слово также заимствуется, но сопровождается пояснением в сно-сках или в самом тексте (олбоки – маленькие тюфячки, обшитые дорогой материей, хулэг – легендарный конь, чахары – одна из групп южных мон-голов, живущих в Китае и т д ,

3) дается описательный перевод *настойка* – ородой хара тунаамал архи,

4) используется слово, обозначающее что-либо близкое к иноязычной реалии *хүрээн* – монастырь, *эзэнхай*, *ноенхай* – барин, *тэрлиг* – халат и т д

В § 6 «Русские и бурятские диалектизмы в бурятских художественных переводах» показана функциональная роль диалектизмов прежде всего для создания речевых портретов действующих лиц Отмечается, что, к сожалению, на бурятском языке территориальные, социальные и профессиональные диалектизмы русского языка воспроизводятся очень слабо Например, в рассказе «Ванька» А П Чехова в переводе Б Санжина просторечно-экспрессивные слова выводятся нейтрально-литературными словами «А вчера мне была выволочка Хозяин выволоч меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в июлье и по нечаянности заснул А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать» - «*Үсэгэлдэр би ехэ ээмэдэ орооб Би тэдэнэй нялхые үлгйдэжэ нууһаар ойлогонгүй унташаһан байгааб, тэрэнэй түлөө намайе эзэм уһэһөөмни шэрэжэ, газаа гаргаад, гуталай таһамаар шабхадаа Баһа һаяхан эзэнэй һамган селедко арилга гээ, тишхэдэнь һүүлһэнь эхилжэ арилгахаларни, селедкыеи абаад, хушугаарнь ноурыем сохео*»

Ввиду сказанного в параграфе уделено большое внимание приему перевода таких слов При передаче просторечных слов и оборотов переводчики прибегают к различным средствам

1) используют просторечные слова и обороты бурятского языка «Ну, шлепнули бы товарищи, слов нет, либо в концентрационный лагерь» - «Нэгэн гэбэл тоншожорхихо гү даа, үгы гэбэл концлагерьта эльгээхэ һэн» (М Шолохов «Поднятая целина», переводчик Н Очиров),

2) бурятскому слову придается просторечное переносное значение русского слова «Чего ржете-то? Что тут такого мальчонка сказал?» - «Юу эндэ инсагаалдаабта? Юун тинчэ гайхалтай юумэ энэ хүбүүн хэлээ юм?» (Н Островский «Как закалялась сталь», переводчик Б Абидуев), «А будешь много гавкать, то сразу поставлю тебе блямбу на фотографию» - «Дан ехэ эр хусаа һааш, фотографии дээрш тамга табижархихаб» К этому приему переводчики прибегают довольно часто,

3) русское слово с просторечным значением оставляется без перевода «Эй ты, шляпа! Завтра приходи в шесть часов на смену» - «Эй ты, шляпа! Үглөө намайе һэлгэхэ зургаан часа ерээрэй»

В § 7 «Русские и бурятские фразеологизмы и способы их передачи на другой язык» отмечается, что изучением фразеологического фонда монгольских языков в России занимались монголоеды Т А Бертагаев, Г Ц Пюрбеев, Ц Б Будаев, Ш-Н Р Цыденжапов и Э Ч Бардаев Несмотря на то, что за прошедшие десятилетия исследовались различные аспекты фра-

зоологии, все же многие вопросы продолжают оставаться дискуссионными. Отмечается, что в бурятско-русском словаре отсутствуют более или менее обоснованные критерии разграничения сложносоставных слов, фразеологизмов и устойчивых лексикализованных словосочетаний. Так, сочетания *амид бэе* 'мочеполовые органы', *мухар бэе* 'туловище', *сээжэ бэе* 'грудная клетка', *ури бэе* 'дети', *ами бэе* 'жизнь', в трактовке многих современных монголоведов, должны квалифицироваться как сложносоставные существительные, *бэээ даанги* 'самостоятельный', *бэээ үгэнги* 'самоотверженный', *бээдээ найданги* 'самонадеянный' – как сложносоставные прилагательные, *бэээ абаха* 'не вмешиваться', *бэээ бариха* 'сдерживаться', *бэээ тушааха* 'сдаваться' – как сложносоставные глаголы, *бээдээ найдангяар* 'самонадеянно', *бэээ даангяар* 'самостоятельно' – как сложносоставные наречия.

В своем исследовании "Глагольная фразеология монгольских языков" (М, 1972) как фразеологизмы с компонентом *бие* Г.Ц. Пюрбеев дает следующие сочетания *биеэ аваад явах* – сторониться людей, *биеэ өргүүлэх* – быть опекаемым кем-л ввиду преклонного возраста или болезни, *биеэ даах* – быть самому себе хозяином, быть вполне самостоятельным, независимым, *бие боловсрох* – достигнуть зрелого возраста, *бие заваарлах* – крайне облениться, *бие давхар болох* – беременеть, стать беременной, *биед хррэх* – войти в пору зрелости, стать взрослым, *биендээ халгахгүй* – не признавать, категорически отказываться в чем-л. Если в ТСРЯ-99 в статье "тело" не выделено ни одного фразеологизма, то в РБС-54 выделено 4, в РМС – 5 \diamond в теле *бээдээ мяхатай* (или *марятай*), монг *тарган, бүдүри, мариатай* (*бээдээ марятай* кажется неудачным), войти в тело *марятай болохо*, монг *тарга орох, спасть с тела маряагүй болохо*, монг *мариа алдах, тарга алдах, душой и телом үнэн зүрхэнһөө, бүхы сэдхэлээрээ* (или *бэээрээ*), монг *сэтгэл зүрхэнээсээ, быть преданным душой и телом сэтгэл зүрхэнээсээ үнэнч бэйх*. В монг еще наличествует держатъ в черном теле *шоовдорлох, доромжлох, хавчих*.

В СРЯ-84 в качестве фразеологизмов выделены инородное тело, душой и телом, ни душой ни телом, держать в черном теле, еле-еле душа в теле.

Во "Фразеологическом словаре русского языка" под редакцией А.И. Молоткова (ФСРЯ-78) в качестве фразеологизмов даны *спадать с тела, держагъ в черном теле, еле-еле душа в теле, входить в тело, душой и телом ни душой ни телом, мурашки бегут по телу*.

Тот факт, что в последних изданиях ТСРЯ (Ожегова и Шведовой) резко сокращено количество фразеологизмов, свидетельствует о том, что в вопросе разграничения переносного употребления слов и фразеологизмов еще не разработаны общепризнанные критерии.

В недавно вышедшем четырехтомном "Большом академическом монгольско-русском словаре" (М, 2001) в словарной статье *бие* не выделено ни одного фразеологизма. Например, сочетания *биеэ барих* 'слерживаться', *бие даах* 'быть самостоятельным, самоопределяться', *бие дааж сурэх* 'самостоятельно изучать', *бие даасан* 'самостоятельный, независимый' и другие даются под значением 2 сам, лично, себя, себе, с собою – и никак не квалифицируются.

Также и в «Бурятско-русском словаре» К М Черемисова, в недавно изданном «Бурятско-русском словаре» Л Д Шагдарова и К М Черемисова (I том, 2006) со словом *бие* не выделено ни одного фразеологизма.

По лексеме *шорган* – спина К М Черемисов не выделяет ни одного фразеологизма. В БАМРС-01 и БРС-07 дело обстоит также. Между тем в приведенном в этих словарях материале, видимо, следовало подумать над такими выражениями *морины нуруу авах* – сбить спину лошади, *нуруугаа уурэх* – заложить руки за спину, *нуруун дээр суух* – сидеть на чьей-л спине, *сесть кому-л на шею*, *нуруу руу хүйт даах (оргих)* – мороз по коже дерет, *нурууг нугалах* – сделать добрую половину. Г Ц Пюрбеев в упомянутой выше книге выделяет как фразеологизм *нуруугаа үүрсэн* – важный, гордый, спесивый.

В ТСРЯ-99 приведены три фразеологизма за спиной у кого - в чьем-н прошлом, на собственной спине узнать что (разг.) – на собственном горьком опыте, РБС-54 это переводит как *хара бэээрээ, улаа мяхаараа* (юмэ үзэхэ, мэдэхэ), РМС-82 *юмыг биеэрээ үзэх*. Кроме того, ТСРЯ-99 дает еще *ехать на чужой спине* (прост.) – выезжать на ком-н, использовать кого-н.

В ФСРЯ-78 под ред. Молоткова выделены мороз по спине дерет, мурашки бегают по спине, за спиной, поворачиваться спиной, стоять за спиной, гнуть спину, нож в спину, поворачивать спину, показывать спину. Иными словами, представленные в ТСРЯ-99, в РБС-54 как выражения с переносным значением, в последнем словаре квалифицируются как фразеологизмы.

Приведенный в диссертации материал свидетельствует о том, что в русистике большие колебания наблюдаются в вопросе разграничения фразеологизмов и выражений с переносным значением. В лексикографии бурятского языка наблюдается еще больший разнобой. Одним из путей, могущих как-то продвинуть изучение этой проблемы, на наш взгляд, является сопоставительное описание слов с переносным значением и фразеологизмов по лексико-тематическим (семантическим) группам с целью выявить спорные моменты в их разграничении и наметить какие-то закономерности.

Поскольку по фразеологии бурятского языка высказаны разные мнения, автор в этом параграфе выражает и свое отношение к данному вопросу. Отмечается, что в бурятском языке устойчивых сочетаний слов

очень много. Но, по мнению автора, нельзя все их признать фразеологизмами. Сочетания типа *тамхи татаха* 'курить', *хамга абаха* 'жениться', *үргэһэн хүрэхэ* 'тянуть ко сну', *наран сэсэг* 'подсолнух', *үхэр нюдэн* 'смородина' и многие другие, на наш взгляд, следует квалифицировать как сложносоставные слова Первоначально они, возможно, были фразеологизмами. Но с течением времени образность их стерлась, они превратились в мертвые метафоры. Главное отличие их от фразеологизмов заключается в том, что они обладают полной парадигмой словоизменения (например, *тамхи татана*, *тамхи татуужа*, *тамхи татажа байна*, *тамхи татаба*, *тамхи татаһан*, *тамхи татангаа*, *тамхи татаһаар* и т.д.) и способны к дальнейшему словопроизводству: *тамхи татаха* 'курить' – *тамхи таталга* 'курение', *тамхи татадаг таһалга* 'курительная комната'.

Фразеологизмы же не обладают более или менее полной парадигмой словоизменения и не способны к словопроизводству. Например, *зөөлэн бүхэдэ диилдэхэ* 'уснуть' (досл. 'быть побежденным мягким силачом') в основном встречается в форме прошедшего времени, *үрөөһэн бөөрэ* 'один из пары' (досл. одна из почек) не изменяется по падежам и т.д.

Все эти фразеологизмы, как упоминалось выше, представляют собой словосочетания. Но в языке имеется много устойчивых сочетаний, структурно организованных как предложения. Речь идет о таких устойчивых выражениях, как пословицы, поговорки, носящие характер общей типизации, разного рода изречения, крылатые слова. Бурятские ученые Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Будаев, Ш.-Н. Цыденжапов включают эти выражения в состав фразеологии. И эта точка зрения нам представляется правомерной, поскольку они, как и собственно фразеологизмы, обладают такими свойствами, как повторяемость, общезвестность, образность, возможность переносного употребления. Все эти устойчивые выражения придают языку произведения своеобразный национальный колорит. Они составляют "самородки" или "самоцветы" языка и если мы будем признавать фразеологизмами лишь идиоматические обороты, то огромный фразеологический материал останется вне поля зрения. Русисты, включающие такие речения в состав фразеологии, называют их фразеологическими выражениями.

В параграфе различаются четыре группы фразеологизмов.

1) фразеология глагольно-предикативная, т.е. в данном случае имеются в виду фраземы, употребляющиеся обычно в функции сказуемого. *Хубуугээ гарын ганзагада, хүлын дүрөөдэ хүргөө* 'Сына своего она поставила на ноги (досл. довела его руки до торок, а ноги – до стремени)', *"Тамни намдаа үндэр малгай үмэдхүүтжэ һууна бэйш хаяат?"* 'Уж не возносите ли меня слишком высоко (говоря дешевые комплименты)?',

2) фразеология субстантивная, т.е. фразеологизмы, употребляемые в функции существительного. *һула табиһан һур*, *дэмы табиһан дээһэн* 'растяпа, ротозей (досл. просто так положенный ремень, попусту положенная веревка)', *хүгшэн шоно* 'старый волк',

3) фразеология атрибутивная, это фразеологизмы, определяющие имена *шанагын гозоймо, шандаганай шабардама шугэн* 'суп такой густой, что заяц завязнет в нем, как в грязи, а ковшик будет торчать', *улаан сурба хүн* 'человек со многими малолетними ребятами', *гал болохо сусалгүй, ган гэхэ нохойгүй, газар гэхихэ малгүй* 'ни кола ни двора (досл. нет ни полей для огня, ни собаки, которая бы визжала, ни скота, который бродил бы по земле)',

4) фразеология обстоятельственная *юдэ сабшаха зуура* 'в мгновение ока', *унанан малгайгаа абангуй* 'не поднимая упавшей шапки'

В общественно-публицистическом стиле преобладают фразеологизмы терминологического типа. Кроме того, получили распространение, особенно в газетной речи и переводной общественно-политической литературе, фразеологизмы и выражения с переносным значением, в которых ассоциации близки к аналогичным явлениям русского языка. Например *Үшөө олохон гэнэн хонгор хүнүүд Г Князевагай гүлмэдэ орожо, ӨӨНЭДЫНГӨӨ МҮНГЭ АЛДАБА* (БҮ, X, 68) 'Еще много наивных людей попало в сети Г Князевой и расстались со своими деньгами' (Ср. русск. 'расставлять сети кому-н')

В параграфе рассматриваются приемы, к которым прибегают бурятские переводчики Д Чернинов, М Степанов и С Чагдуров при переводе фразеологизмов. Далее с позиции сказанного по фразеологизмам обозревается фразеология «Сокровенного сказания», памятника общемонгольского значения, с опорой на исследование Г Ц Пюрбеева по фразеологии данного сочинения. В результате рассмотрения делаются два вывода.

1) В "Сокровенном сказании" содержится достаточно разнообразная фразеология, придающая языку "Сказания" яркость и сочность, национальную самобытность. Перевод их как на бурятский, так и на русский языки следует признать вполне удачным.

2) Тот факт, что фразеологизмы "Сказания" при передаче на бурятский язык не претерпевают больших изменений, свидетельствует о том, что традиционный фразеологический фонд монгольских языков, принципы его образования уже сформировались ко времени создания "Сокровенного сказания".

В главе III «Характеристика художественных переводов с точки зрения адекватности передачи в них лексико-фразеологических единиц и системных объединений слов» к анализу привлечены конкретные переводные произведения.

Так же, как во всех союзных и автономных республиках, за годы советской власти в Бурятии переведены десятки произведений русской классической и советской литературы, отдельные произведения классиков мировой литературы и писателей братских республик, а также художественные произведения зарубежного Востока, особенно Монголии. Благодаря деятельности наших переводчиков, наряду с оригинальной бурятской ли-

тературой, за эти годы создана переводная бурятская художественная литература в разных жанрах прозы, поэзии и драматургии

Начиная с 1950-1960 гг в республике получают развитие переводы с бурятского языка на русский В настоящее время значение этого вида переводов непрерывно возрастает Благодаря переводам на русский язык, национальные, в том числе бурятские, писатели, читатели которых на родном языке исчисляются лишь десятками тысяч, получают российскую аудиторию, насчитывающую десятки миллионов человек Кроме того, переводы на русский язык национальных произведений становятся источником для перевода на другие языки народов мира

За прошедшие десятилетия сложился большой отряд переводчиков как с русского языка на бурятский, так и с бурятского на русский Однако накопленный огромный опыт еще не обобщен Имеется лишь несколько статей по вопросам художественного перевода и небольшая монографическая работа пишущего эти строки

Особенно в пристальном изучении нуждаются переводы с бурятского языка на русский, так как их значение все более возрастает Благодаря интенсивному распространению национально-русского двуязычия большая часть бурятского населения, особенно молодежь и люди среднего возраста, обходятся без переводов, свободно читая книги в русском оригинале Этот факт, конечно, не означает, что эти переводы не нужно изучать Многие младшие школьники, а также люди старшего возраста продолжают пользоваться переводной литературой Но в сложившейся в настоящее время языковой ситуации первый тип переводов заслуживает большего внимания исследователей

В параграфе дана периодизация развития художественного перевода Как показано, в 40-50-х гг развернулся переводческий талант Д Чернинова, члена Союза писателей с 1934 г Им были переведены «Капитанская дочка», «Повести Белкина» А С Пушкина, «Герой нашего времени» М Ю Лермонтова, роман «Мать» М Горького, «Тарас Бульба» Н В Гоголя и другие произведения

В эти годы активной переводческой деятельностью занимается Б Санжин В годы Великой Отечественной войны он начал с переводов небольших рассказов, затем стал переводить крупные романы советских писателей Им были переведены «Записки охотника», «Муму», «Отцы и дети» И С Тургенева, роман «Молодая гвардия» А Фадеева, повесть В Василевской «Радуга», «Непокоренные» В Горбатова, «Рассказы о Ленине» М Зощенко Впоследствии Б Санжин начал писать рассказы, а затем и роман «Праведный путь», получивший хорошую оценку

Кроме того, переводами с русского языка занимались Ч Цыдендамбаев, Б Абидуев, Д Дамдинов, Ц Галсанов, Ц Цибудеев, Ц Д Дондокова, В Галданов, М Имехенов, Д Дашиев, Д Дугаров, Ц Цыбиков, Ц Дамбаев, Д Норбоев, М Будаева-Уланова

В это время начинали работать молодые переводчики Ц Очиров («Хаджи Мурат» Л Н Толстого), Г Г Чимитов («Районные будни» В Овечкина, «Судьба человека» М Шолохова) и Н Очиров («Поднятая целина» М Шолохова)

В 50-х годах начинается переводческая деятельность Г Г Чимитова, которая продолжается до настоящего времени. Еще в 1955 г Ц Б Цыдендамбаев отметил его переводческий дар и, действительно, Г Г Чимитов, окончивший Литературный институт в Москве, за прошедшие десятилетия зарекомендовал себя одним из наиболее подготовленных переводчиков, проявляющий подлинно творческое отношение к искусству перевода. Поэтому при разборе перевода слов и фразеологических оборотов автор в данной главе прежде всего использует переводы Г Г Чимитова, с которыми сравниваются варианты других переводчиков.

Этот параграф является прологом к обширному исследованию, в который должен быть развернут данный параграф с использованием большинства переведенных произведений, указанных в приложении.

В § 1 «Понятие эквивалентности – важнейшая категория перевода» указывается, что художественное произведение представляет целостно-системное явление, в котором все составляющие его компоненты – язык, образы и идейное содержание – находятся в неразрывном единстве. По определению Л И Тимофеева, " язык есть форма по отношению к образу, как образ есть форма по отношению к идейному содержанию произведения". В соответствии с этим в любом художественном тексте различаются три уровня: 1) языковой уровень текста. Это низший уровень текста, словесная ткань произведения, 2) литературный уровень текста. Это более высокий, внеязыковой, уровень, но он создается из художественных образов, которые "сотканы" из словесной "ткани", 3) идеологический, или идейно-эстетический, уровень текста, который образуется синтезом предыдущих уровней. Таким образом, идейное содержание и система образов воплощены в тексте с помощью языкового уровня.

Переводчик прежде всего имеет дело с этим уровнем, речевой эстетической системой – первоэлементом художественного произведения. Для того чтобы верно воспроизвести два высших уровня, переводчик должен очень точно и полно воссоздать этот уровень. Ему необходимо предельно внимательно отнестись к каждому слову, каждой строчке, строю фразы, изобразительным средствам оригинала.

Крупнейшие писатели всегда признавали, что в художественном произведении всякая деталь, даже всякий знак препинания существуют не случайно, а несут какую-то функциональную нагрузку в выражении замысла, идеи произведения, т е приобретают эстетическое значение. В статье "Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?", комментируя употребление яснополянским мальчиком Федькой Морозовым выражения " кум надел бабью шубенку",

Л Н Толстой пишет "Сразу не догадаешься, почему именно бабью шубенку, - а вместе с тем чувствуешь, что это превосходно и что иначе быть не может Каждое художественное слово, принадлежит ли оно Гете или Федьке, тем-то и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений Кум, в бабьей шубенке, невольно представляется нам тшедушным, узкогрудым мужиком, каков он, очевидно, и должен быть Бабья шубенка, валявшаяся на лавке и первая попавшаяся ему под руку, представляет вам еще и весь зимний и вечерний быт мужика Вам невольно представляются, по случаю шубенки, и позднее время, во время которого мужик сидит при лучине, раздвинувшись, и бабы, которые входили и выходили за водой и убирать скотину, и вся эта внешняя безурядица крестьянского житья, где ни один человек не имеет ясно определенной одежды и ни одна вещь не имеет своего определенного места Одним словом "надел бабью шубенку" отпечатан весь характер среды, в которой происходит действие, и слово это сказано не случайно, а сознательно" (Толстой Л Н , 1940)

Если переводчик опустит слово "бабью" или заменит словосочетание каким-нибудь другим термином (например, кафтан), то он нанесет вред и содержанию, и стилю Нужно учитывать не только отдельные слова, но даже тонкие оттенки и нюансы слов

Знаменитому художнику К П Брюллову принадлежит изречение, что "искусство начинается там, где начинается "чуть-чуть", и когда при переводе игнорируются эти "чуть-чуть", постепенно искажается стиль подлинника

Перевод имеет дело с двумя разными языками, часто относящимися к разным типологическим системам Эти языки имеют между собой существенные различия Эти различия, а также противоречия, возникающие при сопоставлении языков, приходится преодолевать в процессе перевода В качестве небольшого примера можно привести отрывок из рассказа М Горького "Хозяин" – диалог, происходящий между героем рассказа, ведущим повествование от автора, и другим персонажам – девицей Софией

"На подоконнике у нее стоял бальзамин в цвету, - однажды она хвастливо спросила

- Хорош светок?

- Ничего Только надо говорить цветок Она отрицательно качнула головою

- Нет, это не подходит цветок – на ситце, а светок, светик – это от бога, от солнышка Одно – цвет, другое – свет Я знаю как говорить"

Этот диалог, можно сказать, непереволим, например, на бурятский язык, ибо он основан на обыгрывании звукового сходства русских слов "свет" и "цвет" и производности русского слова "цветок" от слова "цвет" В бурятском языке нет аналогичного ряда отношений Но это место и опус-

тить нельзя. И перед переводчиком стоит задача разрешить данное противоречие, в частности, можно заменить предмет разговора с таким расчетом, чтобы можно было создать аналогичную игру слов. Однако сделать практически это весьма сложно. По мнению автора, в настоящем, подлинном переводе переводческая трансформация имеет место лишь в случае, когда для этого имеется веская причина. Беспричинные или недостаточно мотивированные переводческие трансформации отвергаются как произвольные, потому ошибочные. В рассказе "Взыскание долга" Х Намсараева есть такое распространенное предложение "Удабашьегүй, үдэшин боро хараан боложо байхада, өөрһын хубуун, хори тухай наһатай, хонгор улаахан шарайтай Цэбүүдэй гэдэг, агнажа ошоһоноо нэгэ һайн гура үргэлөөд орожо ерэнэ". Оно передано кратким предложением "Сын вернулся с охоты вечером". Нам кажется, что опущены очень важные для характеристики героя художественные детали.

Следует сказать, что ко многим словам русского языка в бурятском отсутствуют стилистически дифференцированные слова, которые бы точно соответствовали им. Выход из такого положения пытаются находить путем передачи экспрессивных оттенков другими средствами, например, путем парного употребления слов. Так, слово "мелюзга" переводят *хуугэд мүүгэд*. Большинство авторов предпочитает перевести слова с переносным значением дословно. Пример из "Как закалялась сталь" Островского

- А будешь много гавкать, то сразу поставлю тебе блямбу на фотографию!

- Дан ехээр хусаа хааш, фотографи дээрэш тамга табижархиаб!

Известный языковед А. А. Дарбеева так комментирует этот перевод: "По-видимому, здесь не достигнута смысловая адекватность, хотя звучит эффектно. Во-первых, слово "гавкать" в данном тексте употребляется с оттенком эмоционально-пренебрежительного значения, а его бурятское соответствие в форме глагола *хусаха* 'лаять' подчеркивает только необычность соотнесения этого действия к человеку. При этом значительно утрачивается степень пренебрежения и уничижительного отношения к объекту обращения. Во-вторых, употребление слова "фотография" в значении лица с оскорбительно-ругательным нюансом нередко встречается в русском просторечии, разговорной бытовой речи. Однако его бурятское соответствие *фотографи дээрэш* не передает эту смысловую нюансировку, ибо *фотографи* утратило свое переносное значение в новой языковой среде". Следует согласиться, что указанные здесь слова не приобрели в бурятском языке переносного значения и необходимо продолжить поиски более эффективных средств для передачи таких значений.

§ 2 «О единице перевода». Языковед Ц. Б. Цыдендамбаев в статье «Переводы художественной литературы» (ж. «Свет над Байкалом», № 3, 1955) указывал, что для более адекватного установления смыслового значения необходимо рассматривать слова не в отдельности, а исходить из

общего контекста и смысла высказывания. К примеру, слово "босяк" иногда переводили словом *хул нюсээн хун*, букв. 'босоногий человек'. Но слово "босяк" в русском языке не употребляется в этом значении, а имеет лишь одно значение 'опустившийся человек из деклассированных слоев населения' и это значение на бурятском языке не передается. Лучше было бы перевести фразами *гойр годли болошоһон амитан, хоһон зольбо зайгуул* и др.

Между теоретиками перевода идет спор относительно того, что является первоэлементом (или единицей) перевода. Некоторые таким первоэлементом считают образ, другие – отрывок, а третьи – предложение. Наши переводчики протестуют против того, чтобы переводить только предложения. По их мнению, как любой творческий акт, перевод – это процесс создания целого, а части возникают только в соотношении с целым. А.А. Бальбуров считал, что наши переводчики с бурятского языка усвоили непреложную истину: нельзя переводить фразу, надо переводить, пользуясь всем арсеналом авторских изобразительных средств, целую картину, целое событие. И в этом случае вполне допустимы какие-то отклонения от оригинала.

Обычно на практике переводчик переводит предложение за предложением или разбивает его на ряд частей и работает над каждой частью отдельно. Исследователи перевода находят, что "такой подход (опора на предложение) является плодотворным" (Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика М., 1976). Но обязательное условие – каждое предложение надо соотносить с более широким контекстом, т.е. сочетать микро- и макроконтэксты. С.Ш. Чагдуров предлагает различать минимальный контекст (словосочетание), развернутый (предложение и сложное целое), максимальный (смысловая перспектива произведения в целом) и сверхконтекст (культурно-историческое окружение слова, язык эпохи) (Чагдуров С.Ш. О выразительности слова в художественной прозе. Улан-Удэ, 1959). Из указанных типов контекста переводчик чаще всего имеет дело с развернутым контекстом (предложение и сложное целое).

При оценке переведенного произведения, наряду с общим взглядом, необходимо расчленить его на отдельные, относительно завершенные отрезки. Более удобным для этого представляется так называемое сверхфразовое единство (или сложное синтаксическое целое), часто совпадающее с абзацем. Абзац характеризуется единством темы. Надо рассмотреть, как в пределах абзаца передаются отдельные словарные особенности, синтаксис текста, его эмоциональный тон, насколько естественно звучит фрагмент, оправданы ли разбивка или объединение предложений, логичны ли связи между предложениями, а также между абзацами, необходимы ли произведенные замены.

У больших художников слова многое остается за строкой, представляется простор для творческого соучастия читателя. Очень большую

смысловую нагрузку в повести Толстого "Хаджи-Мурат" несут три последних предложения из его экспозиции "Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его "Какая, однако, энергия и сила жизни, - подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь" Эти предложения перекликаются с содержанием всей повести Л.Н. Толстого "Хаджи-Мурат" И надо перевести эти предложения так, чтобы они вызывали ассоциации, не выраженные прямо (отстаивание жизни до последнего дыхания, суровая борьба за нее) Переводчик Ц.О. Очиров в своем переводе сумел сохранить ассоциативность этих фраз и точно передать их эмоциональный тон "Ургажа нууһан газартаа гоелоншье, найханшье байһан эсэсгые дэмы хосоруулба байнаб гэжэ халаглаад, тэрэ эсэсгээ хаяжархеоб Репей гэдэг ургамалаа зулгаажа абаха гэжэ тулиһан эсэһэнээ һанаад "Яагаа ехэ хүсэн, шадал гээшэб Амяа табихагүйн түлөө яагаа хүсэтэйгөөр зүрсэжэ халаба гээшэб", - гэжэ бодоо хэм"

Между двумя языками, которые используются в переводе, можно установить закономерные соответствия, что не означает возможности применения одинаковых способов перевода Здесь должно быть не формальное, а функциональное соответствие средств языка Ввиду этого часто выбираются языковые средства, иные по форме, чем в оригинале Решающую роль при выборе играет контекст, поэтому основной единицей, над которой должен работать переводчик и которую должен детально изучать исследователь, по нашему мнению, является сверхфразовое единство (часто совпадающее с абзацем), соотносимое с более широким контекстом

В § 3 «Передача переносных значений и полнсемии слов» указывается, что в каждом языке имеются группы и разряды слов, которые более подвержены возникновению в них переносных значений Так, большую группу переносных значений в бурятском и русском языках дают названия частей тела человека и животных Однако в этом плане в каждом языке имеются свои особенности

Так, в отличие от бурятского языка в качестве первого в слове "тело" в словарях русского языка выделяется значение – 'отдельный предмет в пространстве, а также часть пространства, заполненная материей, каким-нибудь веществом или ограниченная замкнутой поверхностью' Слова с таким весьма отвлеченным значением, охватывающим значительное количество разнообразных предметов, в бурятском языке не было Поэтому пришлось придать это значение существующим словам бэе 'тело' и бодос 'вещество' В частности, в РБС-54 имеем тело физ, мат бэе, бодос бэе, бодос, твердое тело хатуу бодос, жидкое тело шэнгэн бодос, геометрические тела геометрическэ бэенүүд Однако в БРС-73 в словарной статье бэе такое значение не зафиксировано Так же и в слове бодос бодос вещество, бодос юумэн филос вещь, материя

Указанные составные термины употребляются лишь в учебно-педагогическом стиле бурятского языка. Поэтому они еще не успели войти в общий литературный язык. Все же представляется, что эти новые значения, появившиеся в старых словах, должны найти отражение в БРС. Тем более они приняты и в других монгольских языках. Так, в РМС-82 имеем тело 1 бие, бодис, юм, твердое тело хатуу бие, жидкое тело шингэн бодис, геометрические тела геометрийн бие. На наш взгляд, здесь вполне обоснованно добавлено слово юм (бур юмэн) и термин твердое тело переведено как хатуу бие вм хатуу бодос в РБС-54. В РКС тело 1 физ бодис, тело, цогц, твердое тело хатуу бодис, геометрические тела геометрийн бодис.

В наших словарях еще не указано то, как следует переводить словосочетания небесные тела (планеты, звезды), законы падения тел. РБС-54 в статье небесный дает небесные тела огторгойн одо мүшэд, огторгойн юмэн, а РМС-82 небесные светила тэнгэрийн одон гариг.

К М Черемисов парное сочетание одо мүшэд переводит как 'звезды, звездный мир'. Таким образом, это сочетание не подходит для выражения значения 'небесное тело', ибо планеты и звезды – не одно и то же: планета – небесное тело, движущееся вокруг Солнца и светящееся его отраженным светом, например, планета Земля, а звезда – раскаленный газовый шар.

Монгольский перевод как будто эквивалентен сочетанию небесные тела, но слово гариг, бур гараг БРС-73 дается с пометой устарелое. И в самом деле будет непонятно, если будем называть планету Земля – Газар гараг. Поэтому придется, видимо, употребить заимствованное слово планета небесные тела огторгойн планетэ одоноуд. Это будет обобщающим термином, обозначающим не только планеты и звезды, но и галактики, кометы и другие небесные тела.

В калмыцком языке, по-видимому, отсутствует слово бие, вместо которого употребляется старое слово цогцо, которое в БАМРС-2002 определяется как 1) комплекс, совокупность, комплект, набор, биеийн цогц телосложение, нэр томъёоны цогц терминология, цогц сэдэв тематика, цогц хэв шинж типаж, амьд цогцын судлал анатомия, 2) гун ух материя, плоть, тело, цогц зандан шаагин молитвенный текст, читаемый во время торжественных служб (возможно, это религиозное значение следовало дать под отдельной цифрой), 2) комплексный, цогц эмчилгээ комплексное лечение.

В БРС-73 дано согсо 1) куча, груда, 2) перен резюме, итог, элдхэлэй согсо резюме доклада. Поскольку у бурят до революции имелся один, общий с монголами литературный классический старописьменный язык, в БРС следует более подробно дать слово согсо, ибо в переводимых ныне на современный язык старых сочинениях встречается это слово.

В ТСРЯ-99 указано, что слово "тело" употребляется в значении 'туловище' массаж тела (т е исключая голову и конечности). Это значение отсутствует в РБС-54, а также в РМС-82 и РКС-64.

В качестве четвертого значения слова "тело" в ТСРЯ-99 выделено 'основная часть, корпус чего-н (спец)'

В РБС-54 это значение передано так 3 воен (*ствол орудия*) *ехэ буугай сэмгэн* Между тем здесь данное значение чрезмерно сужено Ведь, кроме тела орудия, имеются еще тело мины, тело поршня, тело плотины (ее основная часть), вегетативное тело гриба (грибница), рудное тело (скопление руды), тело дерева (ствол) В РКС-54 данное значение отсутствует, а в РМС-82 указано 3 гол түмэр Если для мины, поршня и плотины такой перевод как будто подходит, то в других случаях он не действует Возможно, здесь следует использовать то же слово бэе (*уһанай*) *хаалтын бэе* – тело плотины, *нархяагай бэе* – грибница, *модоной бэе (эйз, гол)* – тело дерева, а для руды следует, может быть, использовать многокомпонентное сочетание – *рудагай ехээр суларһан газар*

Следует отметить, что в русских словарях наблюдаются расхождения в определении количества значений Если, например, в ТСРЯ-99 в слове "тело" выделяется 4 значения, то в МАС-84 – 6 значений Так, в последнем в качестве самостоятельных значений даны 1) 'останки умершего человека', 2) 'мясо, мышцы'

Следует сказать, что слово *бэе* наряду со значениями, совпадающими со значениями слова "тело" в русском языке, имеет много других значений Так, БРС-73 дополнительно к указанным выше дает такие значения 1) личность, особа, 2) рост, 3) здоровье, 4) сторона, берег, 5) друг друга, один другого, друг другу и т д, 6) каждого, каждому и т д в отдельности, 7) себя, себе, с собой, 8) переводится по значению первого компонента, напр, *яһан бэе* 'костяк' и др Ко всем этим значениям должны быть найдены адекватные эквиваленты в русском языке, что имеет важное значение при переводе с бурятского языка на русский

В советский период своей истории семантическая система бурятского литературного языка испытала огромное влияние со стороны русского языка Приводя многочисленные примеры, иллюстрирующие этот процесс, Т А Бертагаев писал еще в 1948 году " бурят-монгольский язык переживает стадию высокого творческого напряжения, невиданного в истории не только монгольских, но и многих других языков, чтобы передать своими средствами все то, что воспринимается современными бурят-монголами через русскую культуру" (Бертагаев, 1948, с 38)

Приведенные выше примеры передачи значений слова "тело" на бурятский и другие монгольские языки показывают, что для некоторых из таких новых значений в словарях до сих пор не найдены эквивалентные соответствия или они как следует не отражены в словарях

§ 4. «О необходимости точной передачи художественных деталей при воссоздании образов-персонажей». В литературоведении справедливо утвердилось мнение о том, что широкое использование детали может служить важным показателем индивидуального стиля писателя

Деталь – это частность, она раскрывает особенности видения мира писателя, его индивидуальный подход к отбору жизненных явлений, фактов действительности, выбор форм и средств художественного освещения жизни и т.д. Поэтому детали, используемые писателями, неодинаковы, на них отчетливо отражается печать творческой индивидуальности (Балданов, 1987)

Однако в переводах с бурятского языка эти детали часто опускаются. Например, в начале пятой главы романа "На утренней заре" Х Намсараева дается описание усадьбы богача Бадмы. Оно открывается такой картиной: *Добые бүрхөөч дун сагаан хони д халхи хүрин бэлиэнэ, тэрээнэй саана муу набтагар харьмай дэгэлтэй, модо тулахан, хүт нюсэгэн хүн наришханаар шанга шангаар хашихарна*. Переводчик М Степанов это место опускает, не переводит.

Между тем, как пишет литературовед С Ж Балданов, приведенные в этом месте детали не случайны. Писатель не обрисовывает предметы или явления во всем многообразии подробностей. Сказано лишь о белых овцах, покрывших целый холм, и о человеке в нагольном дэгэле и босом. Сразу ясно: этот босой – батрак, ясно каково "нутро" его хозяина, хозяина белых овец, хотя об этом писатель не упоминает. Этим несколькими штрихами достаточно, чтобы ясно представить, кто такой Бадма.

У переводчика М Степанова устранение такого рода определительных и обстоятельных оборотов носит почти систематический характер. В этом случае центр тяжести повествования ложится на глагол, предложения становятся очень короткими. Например, как уже приводилось выше, в рассказе "Взыскание долга" есть такое распространенное предложение: *Удабашьегүй, үдэшин боро хараан боложо байхада, өврын хубуун, хори тухай наһатай, хонгор улахан шарайтай Цэбүүдэй гэдэг агнажа ошоһоноо нэгэ һайн гура үргэлөөд орожо ерэнэ*. Данное предложение передано таким кратким предложением: "Сын вернулся с охоты вечером". Нам кажется, что здесь опущены очень важные для характеристики героя художественные детали, в том числе и такая деталь, что Цэбүүдэй вернулся с хорошей добычей, что свидетельствует о его удаче, смекалке. Ничего не осталось и от интонации, от ритма предложения, вообще от намсараевского стиля. При таком переводе страдает образность перевода.

В **Заключении** отмечается, что ни одно слово в языке не существует изолированно от других слов: весь словарный состав языка, в данном случае бурятского, состоит из множества группировок слов, связанных между собой общим (интегральным) семантическим признаком.

Сопоставление объединений слов и фразеологизмов в бурятском и русском языках позволяет выделить в основном одни и те же группировки с одинаковыми интегральными признаками. В них совпадают и большинство членов семантических рядов. Однако обнаруживаются ряды, в которых архилексемы не имеют адекватных соответствий в одном из сопостав-

ляемых языков. Довольно значительные различия, наряду со схождениями, наблюдаются в двух языках между членами семантического ряда, обозначающих дифференциальные признаки. И переводчик должен знать эти нюансы для того, чтобы правильно передать на другой язык требуемые значения.

Наиболее устоявшимися для обозначения группировок слов являются названия «синонимы», «антонимы», «гиперо-гипонимические группы слов» и «лексико-семантические группы». По-разному трактуется название «семантическое поле». В данной работе под СП подразумеваются более или менее обширные группировки слов. Монголоеды для обозначения объединений слов до последнего времени использовали лишь термин «тематическая группа». К ним, например, относятся названия частей человеческого тела, термины родства и т. д.

Полисемия, возникшая в результате развития первоначального значения, также представляет собой своеобразную группировку значений с общим инвариантным признаком. В бурятском и русском языках, как правило, совпадают главные, конкретные значения слов, а переносные, вторичные значения, возникающие на основе разных ассоциаций, в большинстве случаев разнятся. Несовпадение переносных значений создает большие трудности для переводчиков. В настоящей работе сделаны попытки обобщения способов, к которым прибегают переводчики для преодоления этих трудностей. При этом подчеркнута важная роль метода компонентного анализа слова, при применении которого значение слова распадается на составные компоненты-семы, которые позволяют наглядно сопоставить значения слов двух языков.

Раньше в бурятском языке отсутствовали многие «интеркультурные» слова, абстрактные слова и слова, имеющие глубокое социальное или идеологическое значение и характеризующие высокоцивилизованное общество. Благодаря мощному социально-культурному развитию бурят в советское время, существовавшие в прошлом лакуны ныне во многом заполнены и семантические поля бурятского языка сблизились с аналогичными полями русского языка. Если раньше ТП с интегральной архилексемой "мебель" состояла всего из нескольких слов *гунгарбаа* – божница, *ханза* – сундук, *орон* – деревянная кровать, *ухэг* – особый ящик с дверцами на четырех ножках, *эргэнэг* – посудный шкаф, то в советское время он наполнился множеством новых наименований: *стол*, *стул*, *табуретка*, *кресло*, *софа*, *диван*, *скамейка*, *шифоньер*, *шкаф*, *стенка*, *буфет*, *комод*, *антресоли* и т. д. Ныне обнаруживаются главным образом так называемые "этнографические" лакуны, отражающие хозяйственно-бытовые и религиозные различия народов в прошлом.

Можно сказать, что в настоящее время лексико-фразеологические системы двух обозреваемых языков развиваются во многом по единым или аналогичным законам. Русский и бурятский языки одинаково реагируют

на все изменения, происходящие и в общественном и в индивидуальном сознании. В первую очередь это проявляется в лексике газет и журналов.

Таким образом, в бурятском и русском языках существуют многочисленные лексико-семантические группы, отражающие связи предметов в окружающем нас мире. В языках наличествует также полисемия, которая характеризуется смысловой связью внутри значений одного слова. Перед бурятскими лексикологами и лексикографами стоит задача описать как можно больше лексико-семантических групп, типов переносных значений, фразеологических оборотов в сопоставлении с русским языком с последующим составлением двуязычного тематического словаря. Это важно не только для лексикографии, переводной практики, преподавания языков, но и для всей нашей лингвистики в целом, так как этим облегчается поиск нужного по смыслу слова, более полное выявление его семантики, вообще приведение в систему групп слов языка.

Основные работы по теме исследования

- 1 Шагдарова, Д.Л. Бурятский художественный перевод (проза) / Д.Л. Шагдарова – Улан-Удэ БНЦ СО РАН, 1995 – 132 с.
- 2 Шагдарова, Д.Л. Сопоставительно-типологическое исследование лексико-фразеологических систем бурятского и русского языков (на материале переводов и двуязычных словарей) / Д.Л. Шагдарова – Улан-Удэ изд-во Бурят гос ун-та, 2003 – 298 с.
- 3 Шагдарова, Д.Л. Буряад хэлэнэй синтаксиста ородоо оршуулгын нүлөөн ба тэрээнийе нурагшадай хэлэлгэдэ хэрэглэлгэ / Д.Л. Шагдарова // Эхин классуудай түрэлхи хэлэ, литературыын багшанарта туһаламжа – Улан-Удэ Бурят книжн изд-во, 1984 – С 36-41.
- 4 Шагдарова, Д.Л. Отражение лексико-фразеологических особенностей в бурятских художественных переводах / Д.Л. Шагдарова // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1985 – С 114-126.
- 5 Шагдарова, Д.Л. Передача диалектизмов в бурятских художественных переводах / Д.Л. Шагдарова // Диалектная лексика в монгольских языках – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1987 – С 93-105.
- 6 Шагдарова, Д.Л. Проза Х Намсараева в переводе на русский язык / Д.Л. Шагдарова // Национальное и интернациональное в литературах народов СССР. Тезисы Всесоюзной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения основоположника бурятской советской литературы Х Намсараева. Улан-Удэ, 1989 – С. 115-117.

- 7 Шагдарова, ДЛ О сохранении типологических черт бурятской сказки при переводе на русский язык / ДЛ Шагдарова // Типология традиционных жанров бурятского фольклора – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1989 – С 134-152
- 8 Шагдарова, ДЛ Необходимость точной передачи художественных деталей при воссоздании образов-персонажей /ДЛ Шагдарова // Вопросы социально-экономического и культурного развития общества исторический опыт и современность Материалы к VIII республиканской конференции молодых ученых и специалистов Улан-Удэ, 1989 – С 107-110
- 9 Шагдарова, ДЛ 60 лет ЦР Галанову, писателю / ДЛ Шагдарова // Знаменательные и памятные даты по Бурятии на 1992 г Библиографический указатель в помощь пропаганде краеведческой литературы – Улан-Удэ Бабушкинская типография Министерства печати и массовой информации Бур ССР, 1991 – С 44-46
- 10 Шагдарова, ДЛ Проза Х Намсараева в переводе на русский язык / ДЛ Шагдарова // Творчество Х Намсараева – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 1991 – С 78-86
- 11 Шагдарова, ДЛ Заимствованные слова в переводах художественных произведений с русского языка на бурятский / ДЛ Шагдарова // Социолингвистические исследования в Бурятии Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 1992 – С 69-80
- 12 Шагдарова, ДЛ О некоторых принципах бурятского художественного перевода / ДЛ Шагдарова // Язык и стиль сибирских писателей – Улан-Удэ Изд-во БГУ, 1993 – С 50-64
- 13 Шагдарова, ДЛ Передача переносных значений фразеологизмов и тропов в бурятских художественных переводах / ДЛ Шагдарова // Сопоставительно-типологические исследования монгольских языков – Улан-Удэ, 1993 – С 143-151
- 14 Шагдарова, ДЛ Национально-специфические реалии в русских и бурятских сказках и способы их передачи на другом языке / ДЛ Шагдарова // Русский фольклор и фольклористика Сибири Тезисы докладов Всероссийской научной конференции к 80-летию со дня рождения ЛЕ Элиасова 1-2 июня 1994 г, Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 1994 – С 16-18
- 15 Шагдарова, ДЛ О приемах перевода в художественной литературе бурятских этнографических и религиозных терминов / ДЛ Шагдарова // Этнокультурная лексика монгольских языков – Улан-Удэ, 1994 – С 166-177
- 16 Шагдарова, ДЛ Фразеологизмы "Сокровенного сказания " в переводе на русский и бурятский языки / ДЛ Шагдарова // «Тайная история монголов» источниковедения, история, филология – Новоси-

- бирск «Наука» Сибирская издательская фирма РАН, 1995 – С 115-123
- 17 Шагдарова, Д Л Русские заимствования в бурятском литературном и разговорном языках / Д Л Шагдарова // Аборигены Сибири проблемы изучения исчезающих языков и культур Тезисы Международной научн конф Т 1 Филология – Новосибирск, 1995 – С 254-256
 - 18 Шагдарова, Д Л Религиозная лексика "Гэсэра" в переводе В Солоухина / Д Л Шагдарова // Гэсэриада – духовное наследие народов Центральной Азии Тезисы междунар научн конф – Улан-Удэ, 1995 – С 161-163
 - 19 Шагдарова, Д Л Безэквивалентные слова и их соответствия в переводах Д Дашинимаева / Д Л Шагдарова // Тоонто Буряадаа, Тоеоноо Дуулаи ша Дамба Дашинимаевой 90 жэлэй ойдо Певец родной Бурятия, Тойона К 90-летию Д Дашинимаева – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 1995 – С 57-63
 - 20 Шагдарова, Д Л Русские и бурятские диалектизмы в бурятских художественных переводах / Д Л Шагдарова // Проблемы бурятской диалектологии – Улан-Удэ БНЦ СО РАН, 1996 – С 178-188
 - 21 Шагдарова, Д Л "Абай Гэсэр" в переводе Сергея Чагдурова / Д Л Шагдарова // "Бурятия", 28 авг, 1996 г
 - 22 Шагдарова, Д Л Сопоставление лексико-семантических групп русского и бурятского языков при обучении родному языку (на примере слов, обозначающих стороны света) / Д Л Шагдарова // Вопросы бурятско-русского двуязычия – Вып 2 – Улан-Удэ Издательство Бурятского государственного университета, 1998 – С 105-109
 - 23 Шагдарова, Д Л Значение литературоведческих трудов В Ц Найдакова в воспитании подрастающего поколения / Д Л Шагдарова // Филологический сборник – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 1998 – С 26-28
 - 24 Шагдарова, Д Л Система перифрастических названий в буддийских сочинениях / Д Л Шагдарова // Материалы научной конференции «Цыбиковские чтения-7» – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 1998 – С 234-236
 - 25 Шагдарова, Д Л Задачи сопоставительного изучения лексико-семантических отношений в бурятском и русском языках в связи с вопросами перевода / Д Л Шагдарова // Материалы Всероссийской научной конференции "Санжеевские чтения-4" – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 1999 – С 81-86
 - 26 Шагдарова, Д Л Программа нормативного курса «Современный русский литературный язык» (фонетика, орфография, лексикология, словообразование) / С В Андреева, Д Л Шагдарова – Улан-Удэ Изд-во Бурятского государственного университета, 2000 – 20 с

- 27 Шагдарова, Д Л Программа нормативного курса «Современный русский язык Морфология» / Андреева С В , Шагдарова Д Л – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2000 – 36 с
- 28 Шагдарова, Д Л С Ш Чагдуров как переводчик эпоса «Гэсэр» / Д Л Шагдарова // Гэсэриада и аспекты ее изучения в культуре народа – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2003 - С 34-38
- 29 Шагдарова, Д Л Передача национально-специфических реалий при переводе с бурятского на русский язык / Д Л Шагдарова, С В Андреева // Современные проблемы филологии. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию проф С Б Будаева и У-Ж Ш Дондукова – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2003 – С 81-85
- 30 Шагдарова, Д Л Библиографический указатель трудов проф У-Ж Ш Дондукова Научное издание / Д Л Шагдарова, М Р Санданова – Улан-Удэ Изд-во БГУ, 2003 – 20 с
- 31 Шагдарова, Д Л Передача национально-специфических реалий при переводе с русского языка на бурятский / Д Л Шагдарова // Актуальные проблемы текста лингвистическая теория и практика обучения Материалы междунар научн конф к 85-летию О А Нечаевой – Улан-Удэ БГУ, 2004 – С 194-197
- 32 Шагдарова, Д Л Тематическая парадигма и лексико-семантическая группа слов бурятского и русского языков / Д Л Шагдарова // Монгол судулул-ун мэдэглэл (Mongolian studies information) ISSN 1007-8452 Перев Пэн Ли Джиян – Хух-Хот – 2004 – № 2 – С 23-30
- 33 Шагдарова, Д Л Системные отношения в лексике и словообразовании в бурятском и русском языках / Д Л Шагдарова // Санжеевские чтения-5 Материалы научн конф – Ч 2 – Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 2003 – С 151-154
- 34 Шагдарова, Д Л Сопоставление лексико-семантических групп в бурятском и русском языках и обеспечение эквивалентности в переводе / Д Л Шагдарова // ISSN 1562-1391 Вопросы филологии № 1 (19) – М , 2005 – С 53-57
- 35 Шагдарова, Д Л Синонимические парадигмы бурятского и русского языков / Д Л Шагдарова // Вестник Бурятского университета Серия 6 Филология Вып 10 – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006 – С 95-109
- 36 Шагдарова, Д Л Антонимические парадигмы калмыцкого и бурятского языков / Д Л Шагдарова // Научная мысль Кавказа Спецвыпуск – Ростов-на-Дону Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2006 – № 5 – С 130-133
- 37 Шагдарова, Д Л О компонентном анализе значения слов (на примере терминов родства монгольского и русского языков) / Д Л Шагдарова // Вестник Бурятского университета Серия 18 Вос-

- токоведение – Вып 3 – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006 – С 154-164
- 38 Шагдарова, Д Л О единице перевода / Д Л Шагдарова // Вопросы филологии - № 5 – М , 2006
- 39 Шагдарова, Д Л Учебно-методический комплект по дисциплине «Русский язык» для специальности «Педагогика и методика начального образования» /, С В Андреева, З Д Чимбеева, Д Л Шагдарова – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006 – 6,8 усл печ л – 118 с
- 40 Шагдарова, Д Л Учебно-методический комплект по дисциплине «Русский язык» для специальности «Педагогика и методика начального образования» / С В , Андреева, З Д Чимбеева, Д Л Шагдарова – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006 2-ое изд – 120 с
- 41 Шагдарова, Д Л Лексическое значение слова и понятие в вузовском курсе лексикологии / Д Л Шагдарова // Развитие педагогического образования в Республике Бурятия – Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию проф И Батудаева – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006 – С 48-51
- 42 Шагдарова, Д Л О способах передачи на бурятский язык сложных слов с латинскими и греческими морфемами / Д Л Шагдарова // Материалы международной научной интернет-конференции «Проблемы этноязыковой трансформации в Центральном-Азиатском регионе», состоявшейся 12 декабря 2006 г, размещены на сайте www.ngi/bsu/ru
- 43 Шагдарова, Д Л Из опыта буудийского образования личности в дацанах Бурятии и Монголии / Д Л Шагдарова // Вестник Бурятского государственного университета – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007 – Вып 1 – С 185-187
- 44 Шагдарова, Д Л Гиперо-гипонимические парадигмы бурятского и русского языков / Д Л Шагдарова // Цыдыповские чтения-2005 (в печати) 0,5 п л
- 45 Шагдарова, Д Л Лексико-семантические группы слов-названий, относящихся к мясной пище бурят / Д Л Шагдарова // Сдана в сент 2005 г в монгольский журнал «Гадаад хэл заах арга зүйн асуудал (БНХАУ-ын боловсрол, арга зүйн асуудал, гадаад хэлний онол-заах арга зүй, уран зохиолын орчуулга, багшийн Ур чадварыг боловсоронгуй болгох асуудал, хилий чанд дахь эрдэмтэдийн судалгаа, мэдээ мэдээлэл) – Улан-Батор (в печати) 0,4 п л
- 46 Шагдарова, Д Л Составные слова в калмыцком и бурятском языках / Д Л Шагдарова // Вестник Калмыцкого госуниверситета – Элиста , 2007 (в печати) 0,4 п л

- 47 Шагдарова, Д Л Перевод как оптимальное решение прежде всего языковых противоречий (на материале переводов с бурятского на русский язык) / Д Л Шагдарова // Вестник МГУ Сер 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация – М, 2007 - № 3 (в печати) 0,5 п л
- 48 Шагдарова, Д Л Аспектуальность в бурятском и русском языках и роль составных образований в выражении видовых значений в бурятском языке / Д Л Шагдарова // Вестник МГУ Серия 19 Сдана для публикации 0,5 п л
- 49 Шагдарова, Д Л Задачи изучения буддийской лексики и терминологии в бурятском языке / Д Л Шагдарова // Гуманитарные науки в Сибири – Новосибирск, 2007 - № 3 (в печати) 0,4 п л

Статьи, опубликованные в реферируемых журналах

- 1 Шагдарова, Д Л Сопоставление лексико-семантических групп в бурятском и русском языках и обеспечение эквивалентности в переводе / Д Л Шагдарова // ISSN 1562-1391 Вопросы филологии – М, 2005 – № 1 (19) – С 53-57
- 2 Шагдарова, Д Л Синонимические парадигмы бурятского и русского языков / Д Л Шагдарова // Вестник Бурятского университета Серия 6 Филология – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006 – Вып 10 – С 95-109
- 3 Шагдарова, Д Л Антонимические парадигмы калмыцкого и бурятского языков / Д Л Шагдарова // Научная мысль Кавказа – Ростов-н/Дону Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2006 – № 5 Спецвыпуск – С 130-133
- 4 Шагдарова, Д Л О компонентном анализе значения слов (на примере терминов родства монгольского и русского языков) / Д Л Шагдарова // Вестник Бурятского университета Серия 18 Востоковедение – Улан-Удэ Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006 – Вып 3 – С 154-164
- 5 Шагдарова, Д Л О единице перевода / Д Л Шагдарова // Вопросы филологии – № 5 (специальный выпуск) – М, 2006 – С 264–268

ШАГДАРОВА
Дарима Лубсандоржиевна

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(на материале переводов и двуязычных словарей)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 17 05 2007 Формат 60 x 84 1/16
Усл печ л 2,25 Тираж 100 экз Заказ 2119

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г Улан-Удэ, ул Смолина, 24а